

Лидия Чарская

Первые товарищи

Лидия Алексеевна Чарская

Первые товарищи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635575

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

"Действительно, воздушная бумажная юбочка Принца горела с одного бока. В пылу игры мальчик не заметил, как близко подъехал на спине своего воображаемого коня к одному из огарков, стоявших на полу, и задел его листом газетной бумаги. Мартик, увидевший пламя на юбке Принца, закричал..."

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	32
Глава 4	57
Глава 5	83

Лидия Алексеевна Чарская

Первые товарищи

Глава 1

Яркое солнышко заглянуло в окошко и разбудило Сережу. Сережа протер сонные глаза и уже снова было прикорнул на подушку, как вдруг, что-то вспомнив, быстро приподнялся и громко произнес:

– Надо вставать! Ведь сегодня я поступаю в пансион.

Сережа проворно натянул чулки и башмаки и крикнул няню, чтобы она дала ему умыться. Вошла няня, полная, добродушная женщина, Домна Исаевна, бывшая кормилица Сережи, которую и он, и его шестилетняя сестричка Людочка любили, точно родную.

– Что в такую рань поднялся? – шутливо заворчала Домна Исаевна.

– Няня! – сказал Сережа, – разве ты забыла, что я еду сегодня в пансион?

Мама решила отдать Сережу в учебное заведение г-жи Власевой полным пансионером.

Сережа целую неделю должен был проводить в пансионе и только по праздникам мог приходить в отпуск домой. Поступление в пансион составляло большое событие не только

для самого Сережи, но и для всех домашних.

И няня Домна Исаевна, перестав ворчать на своего любимца, начала поливать из большого кувшина на руки Сережи холодную свежую воду.

Едва Сережа успел умыться, как вбежала его сестра Людочка и повисла у него на шее. Малютка рассказала брату о том, каких потешных маленьких человечков видела она во сне, потом – что Арапка, их большая комнатная собака, пришла ее будить рано утром и как няня рассердилась и прогнала Арапку. И Людочка, вспомнив, как потешно няня сердилась и гнала Арапку, рассмеялась.

Но Сереже было не до смеха. Он был очень озабочен предстоящим сегодня поступлением в пансион.

Он только улыбнулся в ответ и, помолившись Богу, пошел в столовую.

Мама была уже там.

– Здравствуй, пансионер! – ласково улыбнулась она мальчику и подала ему большую чашку с дымящимся кофе.

Сережа пил кофе, ел сдобные булочки и все время думал, как бы ему не опоздать в пансион.

Когда на больших столовых часах пробило девять, мама сказала:

– Ну, Сергунчик, собирайся, пора!

Он быстро оделся, поцеловал Домну Исаевну, погладил Арапку и вышел на лестницу в сопровождении мамы.

В ту минуту, когда няня Домна Исаевна собиралась за-

крыть входную дверь, послышался звонкий голосок Людочки:

– Подожди, Сергунчик, я хочу тебе что-то подарить.

Мама и Сережа молча переглянулись, а она уже стояла на площадке лестницы, примыкавшей к их квартире, и протягивала брату что-то тщательно завернутое в бумажку.

Сережа развернул бумажку и увидел однурукую маленькую куколку Людочки, ее любимицу Стешу.

– Зачем же ты мне ее даешь, Людочка? – удивился Сережа и хотел вернуть сестре куколку, но та возразила:

– Нет, нет, оставь, я тебе ее дарю. С ней тебе не будет так скучно в пансионе. Когда тебе станет скучно, ты с ней поиграешь.

– Да ты сама по ней соскучишься, Людочка, – пробовал Сережа уговорить сестренку.

– Нет, нет, – говорила Людочка и даже слезки навернулись на ее длинные ресницы, – я не соскучусь, ведь я останусь дома с мамой, Домной Исаевной и Арапкой, а ты один, среди чужих мальчиков, проведешь всю эту неделю. Так пускай с тобой будет хоть Стеша! Пожалуйста, Сергушек!

Сергушек взглянул на ее полные слез голубые глаза и вдруг крепко обнял сестрицу.

Кукла Стеша осталась у него.

Сережа старался быть спокойным, чтобы не огорчать маму, но во время пути от их дома, вплоть до самых дверей пансиона, сердце его щемило от страха.

Когда, в прихожей пансиона, седой сторож Вавилыч снял с Сережи пальто и пригласил последовать за ним, он совсем оробел и сконфузился.

Они прошли целый ряд больших и красиво убранных комнат, пока в одной из них не увидели невысокую полную даму, приветливо ответившую на поклон Сережиной мамы.

Это и была г-жа Власьева, начальница пансиона, в который поступил Сережа.

– Привезли сынка? – обратилась Власьева к маме. – Вот и отлично. Мальчик большой, пора учиться. Не хотите ли проводить его в класс?

Мама охотно согласилась на предложение начальницы, и они втроем пошли на ту половину, где помещались классы.

Длинный коридор очень понравился Сереже. «Здесь отлично можно бегать и играть в лошадки», – подумал он и пожалел, что Людочка не может бегать с ним вместе.

– Вот твои новые товарищи! – сказала начальница, обращаясь к Сереже, когда они вошли в класс, где сидели на скамейках за длинными столиками мальчишки.

Отдельно, посреди класса, за маленьким столиком, сидел

учитель, очень строгий на вид, с синими очками на носу.

Сереза с любопытством оглядывал класс, а мальчики, вставшие со своих мест при входе начальницы, в свою очередь разглядывали его.

Серезе стало неловко и грустно – ему нужно было прощаться с мамой, которую он уже не увидит целую неделю, до субботы, когда их на двухдневный отпуск распустят по домам.

Мама точно поняла, что происходило в душе мальчика. Она крепко обняла Серезу, перекрестила его несколько раз и нежно шепнула ему на ушко:

– Не скучай, мой мальчик. В субботу увидимся. Мне пора домой.

Сереза считал себя «молодцом» и всеми силами старался удержать набегавшие на глаза непрошенные слезы.

Он крепко поцеловал маму и обещал ей не скучать, быть умным мальчиком и прилежно учиться.

Когда мама в сопровождении начальницы вышла из класса, Сереза почувствовал себя ужасно одиноким.

* * *

Чтобы как-нибудь успокоить себя, Сереза стал разглядывать своих соседей. Некоторые из мальчиков были старше его, другие моложе.

Особенно привлек внимание Серези рыжий мальчик, си-

девший с ним на одной скамейке. Это был большой шалун и проказник. Как только отворачивался учитель, рыжий мальчик делал такие смешные рожицы, что, как ни грустно было на душе у Сережи, он едва мог удержаться от улыбки.

– Как тебя зовут? – спросил Рыжий.

– Сережа!

– Ну вот и соврал, – тихо, чтобы не слышал учитель, рассмеялся мальчик.

– Нет, не соврал, – даже немножко обиделся Сережа, – меня зовут так.

– А фамилия твоя как? – не унимался рыжий.

– Фамилия Горин.

– Ну, значит, тебя зовут Сергей Горин, а вовсе не Сережа! – захихикал Рыжий и добавил так, чтобы слышали сидящие кругом них мальчишки: – Ах ты, мартышка!

Сережа обиделся на данное ему прозвище; дома его называли Сереженькой, Сергунчиком, Сергушком, и слово «мартышка» ему очень не понравилось.

– Я вовсе не мартышка, – обидчиво возразил он рыжему. – Мартышки сидят в клетках в Зоологическом саду, а я просто Сережа.

– Нет, мартышка, – не унимался рыжий. – Скажите, пожалуйста, обижаться еще вздумал... Ах ты, гоголь-моголь ты эдакий!

– Грушин! – вдруг сказал учитель, – ты сам не слушаешь и другим мешаешь. Ступай в угол и стой, пока не окончится

урок.

– Виноват, Алексей Иванович, – взмолился Грушин, – я больше не буду!

– Ступай в угол! – еще строже повторил учитель и так сердито поверх очков посмотрел на рыжего, что тот не посмел послушаться и покорно встал у стены, рядом с большой черной доской.

Но он никак не мог уняться и стал показывать Сереже язык.

Учитель взял книгу со стола, подозвал к себе Сережу и велел ему прочесть первую страницу. Мальчик учился читать с мамой и старательно относился к этому. Для своих восьми лет Сережа читал прекрасно и заслужил похвалу учителя.

– Очень хорошо, Горин, – сказал тот, – молодец! Вот Грушин, – неожиданно повернулся он к стоявшему у доски Рыжему, который никак не ждал обращения Алексея Ивановича и от неожиданности прикусил язык, которым он дразнил Сережу, – вот с кого тебе пример надо брать! Такой маленький, а как читает, а ты меня перерос, а еще «Ч» от «Щ» отличить не можешь!

Сереже было и стыдно, и приятно от похвалы учителя.

«Вот бы мамочка услышала, как бы она порадовалась!» – невольно подумал мальчик.

Рыжий сердился и краснел. Он едва умел читать и слыл самым ленивым учеником в младшем классе.

Раздался громкий звонок: урок кончился.

Лишь только учитель вышел из класса, как все мальчики вскочили со своих мест и окружили Сережу:

– Кто ты?

– Как тебя зовут?

– Кто твой отец?

Сережа едва-едва успевал отвечать на вопросы и робко косился на новых товарищей.

– А ты Москву видел? – неожиданно подскочил к нему рыжий, и прежде чем Сережа успел опомниться, он схватил его обеими руками за голову и высоко поднял в воздух.

Рыжий был много выше и сильнее Сережи.

Он почувствовал боль, его уши горели и ныли в цепких пальцах Грушина, но Сережа, однако, сделал над собой усилие и не заплакал.

– Вот тебе Москва, вот тебе Москва! – приговаривал между тем рыжий мальчик, в то время, как остальные пансионеры громко смеялись.

– А бороться умеешь? – неожиданно подскочил другой мальчуган одного возраста с Сережей, плотный, коренастый, с забавным вихром на лбу.

За этот вихор мальчика Мишу Викторова прозвали Петухом.

Своей драчливостью, громким голосом и задором, он, действительно, походил на эту птицу и как нельзя лучше оправдывал данное ему прозвище.

– Хочешь бороться? – еще раз крикнул Петух и, не дав

опомниться Сереже, плотно обхватил его за талию, стараясь повалить на пол.

* * *

Завязалась борьба. Мальчики встали полукругом и с живым интересом смотрели на борющихся. Некоторые были уверены, что победит Миша, другие стояли за Сережу.

Если Петух брал силой, то Сережа отличался ловкостью и изворотливостью, и победить его было не так-то легко. Вот-вот, казалось, осилит Петух и Сережа упадет побежденный, но в ту же минуту он сделал быстрый прыжок, выскальзывал из рук Миши, и снова возобновлялась борьба к необычайно-му удовольствию маленьких зрителей.

Пот с обоих мальчиков катился градом.

Оба они, красные от усилий и волнения, кружились на одном месте. Наконец, Сережа начал, видимо, осиливать... Еще немного, и он останется победителем...

Но в ту самую минуту, когда Миша был в руках Сережи, Рыжий, следивший все время за борьбой, незаметно выступил вперед и подставил Сереже ногу.

Сережа не заметил в пылу борьбы поступка Рыжего, споткнулся о подставленную ему ногу и упал, сильно ударившись головой об пол.

В одну минуту Петух был на его груди и торжествующе оглядывал всех товарищей.

– Bravo, Петушок! Bravo! – кричали они и хлопали в ладоши; громче всех кричал Рыжий.

– Прочь с дороги! – внезапно прозвучал грозный окрик, и хорошенький белокурый мальчик лет девяти вскочил в круг.

– Петух! – гневно кричал мальчик, – ты не воображай, что победил Горина: я отлично видел, как Рыжий подставил ему ногу!

– Принц врет! Не верьте, братцы! – оправдывался Грушин, пойманный и уличенный на месте.

– Нет, Принц не врет никогда, – вступился бледный, худенький мальчик и с восторгом посмотрел на белокурого Принца.

А тот помог подняться Сереже, обчистил на нем запылившуюся во время борьбы курточку и, протягивая ему руку, сказал:

– Здравствуй! Меня зовут Котей Вакулиным, а они прозвали меня Принцем, – и он кивнул в сторону товарищей. – Зови и ты меня Принцем, и будем друзьями!

Сережа, сконфуженный, стоял напротив своего покровителя и смотрел на него восхищенно.

У Коти Вакулина были длинные белые кудри, голубые ясные глаза и умное лицо. Прозвище Принца как нельзя лучше шло к нему.

Мальчики притихли при появлении Коти и теперь, видя, что тот принял новенького под свою защиту, стали понемногу расходиться.

Звонок возвестил начало другого урока. Антонина Васильевна Власьева, или Пушка, как ее называли мальчишки за ее полную фигуру и чрезвычайно грубый голос, вошла в класс.

Она сама давала уроки арифметики маленьким пансионерам и была весьма строга.

При ее появлении стало так тихо в классе, что слышно было, пожалуй, как летали мухи.

Глава 2

– Дважды четыре – сколько будет? – неожиданно обратилась учительница к Петуху, сидевшему на первой скамейке.

Петух, еще не пришедший в себя от недавней борьбы, красный, как морковь, вскочил со своего места и бойко ответил невпопад:

– Десять!

– Отлично! Вот я тебя десять суббот в отпуск и не отпущу, вот и будешь знать, как наугад говорить! – рассердилась Антонина Васильевна, не терпевшая рассеянности в классе.

Лишение по субботам отпуска было самым строгим наказанием, и маленькие пансионеры боялись его, как огня. Поэтому Петух моментально стряхнул с себя рассеянность и вспомнил, что дважды четыре восемь, а никак не десять, и сказал это Пушке.

– Ну, а трижды восемь сколько? – обратилась Пушка к Сереже.

Сережа долго думал, прежде чем ответить, и наконец сказал:

– Двадцать четыре.

– Верно, – похвалила Пушка и вызвала к доске бледного, худенького Мартика Миллера – того самого, который смело заявил товарищам, что Принц никогда не врет.

Мартик очень крупно и красиво написал те цифры, кото-

рые ему продиктовала Пушка.

«Точно солдатиков выровнял», – пришло в голову Сереже.

– Он хороший ученик? – обратился Сережа к своему соседу Рыжему, забыв о его злой выходке.

Сережа был очень добрый мальчик и никогда не помнил долго причиненного ему зла. Он думал, что и все мальчики на свете должны были быть такими же добрыми и хорошими, как он. Но не тут-то было, Рыжий, невзлюбивший почему-то Сережу, решил изводить и дразнить его всевозможными способами:

– А тебе какое дело, мартышка? – дерзко спросил он.

Но в ту же минуту большой комок белой бумаги, скатанный вроде мячика и брошенный со скамьи, где сидел Принц, угодил Рыжему прямо в лоб.

– А... ты бросаться! – рассвирепел Грушин и ущипнул ни в чем не повинного Сережу.

Принц сидел далеко, и потому Рыжий ограничился только тем, что показал ему кулак.

«Злой мальчик», – подумал Сережа и отодвинулся от Рыжего на самый дальний конец скамейки.

Урок арифметики кончился. Пушка вышла из класса, а ее заменил воспитатель-дядька Василий Иванович.

Василий Иванович поставил мальчиков по двое в ряд и повел в столовую завтракать.

Все двенадцать мальчиков, составляющие младший класс

пансиона, сели за один стол, на одном конце которого было место для Василия Ивановича. Каждому мальчику дали по бараньей котлетке, стакан чаю и бутерброд с сыром.

Сереза не был особенно голоден. Он думал: «В это время мама и Людочка тоже садятся завтракать. Мама на конце стола, а Людочка с правой стороны на высоком детском стуле. А место Серези не занято... Арапка, наверное, удивляется, почему Сереза место не занял».

Сереза замечтался и не заметил, как его котлетка исчезла с тарелки и пропала в кармане сидевшего напротив Грушина.

Но Принц все видел и, не стесняясь присутствия воспитателя за столом, резко сказал:

– Рыжий, сейчас же положи котлету на тарелку Горина. А ты, Горин, – прибавил он мягко, – не зевай по сторонам, а то у тебя другие все съедят.

Сконфуженный Грушин исполнил требование мальчика и возвратил котлету Серезе, но так сердито посмотрел на него при этом, что бедный Сереза почувствовал, как сильна была ненависть мальчика.

Завтрак окончился. Мальчиков повели наверх в большую светлую комнату, где стояла высокая, до самого потолка, стенка с трапециями, кольцами, лестницами и даже качелями.

– Дети, играйте и веселитесь, – сказал, уходя, Василий Иванович, – только не шумите и не ссорьтесь.

– Братцы! Кто хочет играть в казаки-разбойники? – весело крикнул Принц.

– Я, я, я! – закричали со всех сторон.

Все мальчики разделились на две группы: одни были казаками, другие разбойниками. Разбойники выбрали себе атамана. Казаки мирно стали устраивать свою станицу (станцией всегда был гимнастический зал), как вдруг на них напали разбойники. Казаки обратились в бегство, а разбойники их преследовали и уводили в плен.

Сережа еще не знал этой игры, и она ему очень понравилась. Он, Мартик Миллер, Петух, потом черненький Жучок, или Ваня Изюмин, удивительно шустрый и веселый мальчик, и высокий Морозов, или Морозко, как его называли в классе, были казаками. Принц, Грушин и остальные шесть мальчиков были разбойниками.

Сережа во всю прыть мчался по залу.

Его догонял Принц. Вот-вот, казалось, мальчик протянет руку и поймает его. Но Сережа прибавил ходу, и Принц остался далеко позади.

Принц тяжело дышал, щеки разгорелись, и волосы спутались на лбу. Сереже стало жаль Принца, которому он был обязан за его заступничество перед Рыжим.

«Надо ему поддаться», – решил Сережа и незаметно стал бежать тише.

В ту же минуту Принц нагнал его и ударил три раза по плечу.

– Поймал! – весело крикнул он.

– Как же не поймал, когда он тебе поддался! – насмешливо сказал подоспевший Рыжий.

– Разве ты поддался? – обратился Принц к Сереже, все еще держа его за плечо.

Сережа никогда не лгал, даже по пустякам, и поэтому сказал немного смущенно:

– Да, поддался.

– И глупо сделал! – рассердился Принц и прибавил: – Господа, это не игра, я с Гориным не хочу играть.

– Не игра, не игра! – подхватили все мальчишки и отхлынули от Сережи.

Сереже стало грустно и нехорошо на душе.

Он не хотел обидеть Принца, который ему нравился своей веселостью, а главное подкупил его своим заступничеством.

Потерять дружбу Принца было большим горем для Сережи. Он подошел к окну и стал смотреть на улицу. А мальчишки по-прежнему шумели и бегали по залу.

* * *

От завтрака до обеда было три урока: гимнастика, Закон Божий и французский язык. Гимнастике учил мальчиков пансионер старшего класса по фамилии Валерик, такой высокий юноша, что Сережа должен был задрать голову, чтобы взглянуть на него, когда Валерик спросил его о чем-то.

Гимнастика была самым любимым уроком мальчиков, потому что, если они хорошо себя вели, Валерик позволял им поиграть в кошку и мышку или жмурки в конце урока.

Сегодня Валерик был в самом лучшем настроении духа и к середине урока весело закричал:

– А ну-ка, братцы, в кошки-мышки!

Мальчики завизжали от радости и бросились устраивать круг.

– Принц! Ты будешь мышка, а новенький кошка! – сказал Валерик и поставил Принца в круг взявшихся за руки мальчиков.

Сережа очутился за кругом.

«Непременно надо поймать Принца, – думал он, – пусть мальчики увидят, что я ловкий и проворный, не хуже их!.. А вдруг Принц опять рассердится! – и сердечко Сережи тревожно сжалось. – Будь что будет!» – решил он и помчался за Принцем во всю прыть.

Принц был проворный и быстрый мальчик, и поймать его было нелегко. Наконец, после долгих усилий, Сережа схватил Принца за плечо. Но тот быстро вырвался и снова был уже далеко.

Мальчики дружно восторгались ловкостью Принца. Они выпускали его без всяких затруднений в круг, согласно правилам игры, а Сережа, как ни старался проникнуть туда, цепь быстро замыкалась, и он оставался за кругом.

– Кошка, прочь, кошка, прочь! – кричали мальчики.

Сереза начал уже уставать, но поймать Принца ему очень хотелось, и потому он не терял надежды проникнуть в круг.

– Принц, Принц, – вскрикнул черненький Изюмин, или Жучок, как его называли товарищи, – берегись!

Но было уже поздно. Сереза прыгнул через руки двух зазевавшихся мальчиков в круг и поймал Принца.

– Молодец! – похвалил его Валерик.

Но Серезе эта похвала не доставила никакого удовольствия. Он со страхом взглянул на Принца, ожидая увидеть его лицо, полное укора. Но Принц так по-доброму смотрел на Серезу, что в душе его точно птички запели, так вдруг стало ему хорошо и радостно.

– Вот ты какой проворный! – с улыбкой сказал Принц. – Я бегаю почти быстрее их всех, – оглянулся он на остальных мальчиков, – а ты меня все-таки догнал... хорошо!

Сереза обрадовался похвале Принца.

По окончании урока они долго ходили обнявшись по классу, и Сереза рассказывал своему новому товарищу о маме, о Людочке и о черной Арапке.

– А ты очень рассердился на меня за то, что я тебе поддался, когда мы играли в казаки-разбойники? – спросил он, между прочим, Принца.

– Очень! – ответил тот серьезно. – Если б мальчики заметили, что мне поддаются, они бы засмеяли меня. Я считаюсь самым ловким в классе. Ты посмотри, какие у меня мускулы!

Принц высоко поднял рукав своей курточки и, прижав

кисть руки к плечу, напряг мышцы.

Сережа мускулов, однако, не заметил, но покачал сочувственно головою, не желая обидеть своего нового друга.

* * *

Следующие два урока прошли незаметно. Закону Божьему мальчиков учил отец дьякон из соседней церкви. Он говорил, сильно упирая на «о» и был очень добр.

Сереже он понравился. Отец дьякон рассказывал мальчикам о Всемирном потопе, и Сережа внимательно слушал каждое его слово.

После урока Закона Божия был французский урок. Снова Антонина Васильевна появилась за столиком. Она учила мальчиков французскому языку и еще строже относилась к этому предмету, нежели к арифметике.

Пушка любила Принца, потому что он отлично говорил по-французски.

– А ты, Горин, знаешь что-нибудь? – обратилась она к Сереже.

Но Сережа только и знал два слова: «мерси» да «иси». Последнее он потому только и знал, что часто мама кричала Арапке: «Иси, Арапка». Он поэтому чистосердечно заявил Пушке, что он только и знает два слова: мерси и иси. Пушка рассмеялась. Рассмеялись и все мальчишки. А Сережа не мог понять, почему они смеются.

– Ты не беспокойся, пожалуйста, я тебя выучу по-французски, – успокоил его Принц после урока, когда они чинно, под предводительством Василия Ивановича, пошли в столовую обедать.

Сережа был очень признателен Принцу. Ему казалось, что он давно знает этого голубоглазого, белокурого мальчика.

Обед прошел весело.

Мальчики задавали друг другу загадки и угадывали большей частью невпопад к общему удовольствию и смеху.

– Я всегда все загадки могу угадать, – неожиданно заявил Рыжий.

– Ну, ты всегда хвастаешься, Грушин, – отвечал ему худенький Мартик Миллер.

– Да, да, Рыжий известный хвастунишка, – подхватил Петух и незаметно для Рыжего сделал ему над головой рожки.

– Не спорьте, дети! – вмешался Василий Иванович, занятый разрезыванием жаркого на своей тарелке.

– Не спорьте, – подтвердил Принц и насмешливо взглянул на Грушина. – Ну-ка, отгадай, Грушин, мою загадку, если ты уж такой отгадчик.

– Говори! – важно произнес Грушин.

– Антипка низок – на нем сто ризок! Что это такое?

– Желудь! – не сморгнув выпалил Рыжий.

– Сам ты желудь! – рассмеялся Принц. – Где же у желудя ризки? Да и на дереве он растет, а не низко на земле. Это капуста, глупый, понимаешь ли, простая капуста, а ты вдруг

– желудь! Ха-ха-ха!

– Ка-пус-та! – протянул Рыжий и препотешно открыл свой и без того большой рот. – А ведь я думал – желудь.

– Ну, ладно, первая ошибка не в счет, – добродушно вмешался Жучок, добрый, покладистый мальчик, не любивший насмешек и споров, – задай ему лучше вторую загадку, Принц.

– Идет, – согласился тот. – А ну-ка, мудрец, что такое: без окон, без дверей – полна горница людей?

Грушин теперь не сразу ответил: он почесал свою рыжую голову и, густо краснея, медленно пробасил:

– Комната.

И мальчики, и Василий Иванович, и подававшая детям обед горничная Паша, все так и покатались со смеху.

Даже старшие пансионеры, сидевшие за другими столами, пришли спросить, почему так весело у «малышей» и не именинник ли кто-нибудь в младшем классе?

Но больше всех смеялся Принц.

– Ха-ха-ха! Вот так мудрец, – заливался он, – ай да Грушин, ха-ха-ха!

Грушин окончательно рассердился.

– Глупая загадка! Никто ее не знает! – крикнул он.

– Я знаю, – против воли вырвалось у Сережи.

Сережа не хотел досадить Грушину, а просто внезапно вспомнил, что мама задавала ему как-то эту загадку и объяснила ее значение.

– Ну? – сердито повел глазами в сторону Сережи Грушин.

– Это огурец.

– Да где же тут люди?

– А зернышки огуречные! – вмешался Мартик.

– Ну, уж вы... то про капусту... то про огурцы... а умного ничего не придумаете. Ах вы, огородники, – ворчал сконфуженный Грушин и зло смотрел на Сережу.

– Огородники пользу приносят, трудятся, – заметил Жучок таким тоном, каким говорят большие с маленькими детьми.

– Ну, вы и будете огородниками! – так же сердито продолжал Рыжий, – а я не желаю им быть... Не велика честь... Я не огородник.

– Нет, нет! Ты не огородник, Грушин, ты мудрец! – подхватил Принц.

– Мудрец! Мудрец! – засмеялись мальчики. – Рыжий Мудрец!

Грушин злился, но ничего не мог поделать.

* * *

После обеда мальчики до восьми часов вечера должны были готовить уроки к следующему дню.

– Хочешь заниматься со мною? Я покажу тебе, что задано, – предложил Принц Сереже.

Сережа охотно согласился. Принц ему нравился все боль-

ше. К тому же он отлично учился и мог во многом помочь Сереже. Не теряя времени, мальчики уселись в самый дальний угол класса – в тот именно, где стоял большой шкаф с книгами и глобусом, и принялись за приготовление уроков. Историю Ноя и Всемирного потопа Сережа не раз слышал от мамы и потому выучить ее к следующему дню для него не составило труда.

– Вот и одолели один урок, – весело воскликнул Принц и шумно захлопнул книжку учебника. – Теперь давай учить французский язык. Ты увидишь, как это легко.

Но с французским языком оказалось куда труднее. Сережа едва запомнил слова, заданные на завтрашний день Пушкиной, причем многие из них перепутались в его голове. Принц, однако, до тех пор не оставил Сережу в покое, пока тот не ответил ему весь урок наизусть.

В восемь часов вечера мальчикам дали по большой кружке чаю с молоком и по сладкой булке и отвели их в спальню.

В спальне стояло двенадцать кроватей с ночным столиком у каждой, куда пансионеры могли прятать платье на ночь. У одной стены было несколько умывальников, у другой шкаф с запасным гардеробом мальчиков. Посредине спальни висела большая лампа под зеленым абажуром. В правом углу был киот с образами. У киота теплилась лампада, которая и освещала ночью спальню. На левой стене висел портрет Пушкина в черном платье с розой в волосах.

Большая спальня с двенадцатью кроватями показалась

Сереее пустой и неуютной. Он с грустью вспомнил свою маленькую комнату с крошечной постелькой, застланной голубым шелковым одеялом, сшитым руками мамы.

Постель Сереее оказалась крайней. Но с одной стороны у него был соседом Мартик Миллер, – кроткий, болезненный мальчик, общий любимец всего класса.

– Ну, раздевайся, не зевай! – окликнул Принц замечтавшегося было Сереее.

Он уже успел сбросить свою щегольскую курточку, расчесал белокурые волосы и пришел помочь Сереее.

Сереее стал стягивать с себя платье и вдруг вспомнил, что у него в левом кармане лежит подарок Людочки – однорукая Стеша.

«Еще, пожалуй, кто-нибудь увидит и засмеют тогда меня, задразнят», – подумал Сереее, осторожно вытащил куклу из кармана, положил ее в постель и прикрыл одеялом.

– Что это у тебя? – спросил Принц и, сунув руку под одеяло, вытащил оттуда Стешу.

– Оставь, оставь, спрячь скорее, а то увидят, – Сереее старался вырвать Стешу из рук Принца.

Ему все казалось, что его новый товарищ сейчас рассмеется ему в лицо, не поняв в чем дело. И он торопливо стал передавать ему, как Людочка подарила ему свою любимицу-куклу и какая она добрая девочка, и как они вместе с нею дружно играли и росли.

Принц выслушал Сереее и ни разу не улыбнулся. Напро-

тив, на его лицо набежала тень.

– Счастливый ты, Сережа! – сказал он грустно, – у тебя есть и мама, и сестрица, и няня, и Арапка. У меня никого нет кроме приемного отца, которого я редко вижу, и гувернера Рено, который заставляет меня говорить по-французски и ставит на колени в угол, если я провинюсь.

Сереже стало искренне жаль бедного Принца. Несмотря на бархатные костюмчики и нарядное белье с кружевами, он был беднее всех мальчиков их класса. У каждого из них был или любящий папа, или добрая, ласковая мама, или братья и сестрицы. У Принца же никого не было.

Сережа крепко обнял своего нового друга и сказал:

– Знаешь, Принц, ты такой хороший. Хочешь будем братьями? Пойдем со мной в субботу к моей маме и Людочке. Тебе у нас будет гораздо веселее, чем с твоим строгим гувернером.

Принц ничего не ответил и благодарно посмотрел на Сережу. Через минуту он снова смеялся, прыгая с постели на постель с ловкостью котенка.

Маленький Принц не мог долго предаваться печальным мыслям.

– Ну, дети, спать! – строго приказал Василий Иванович, и все двенадцать мальчиков мигом разместились по своим кроватям.

Сережа с непривычки долго ворочался на жесткой постели, перекладывая и крестил подушки и, наконец, прижав

Стешу к груди и думая о Людочке, крепко уснул.

* * *

Сережа проснулся от хохота детских голосов.

«Уж не во сне ли все это?» – подумал он спросонья и, сделав над собой усилие, открыл глаза.

Нет, это не во сне. Около его постели стоял Рыжий и высоко держал над головой однорукую Стешу. Принц прыгал вокруг Грушина, стараясь вырвать у него из рук куклу.

Мальчики разделились на два лагеря: одни держали сторону Рыжего, другие Принца.

– Мальчик не должен играть в куклы. Горин срамит наш пансион. Лучше бы он поступил в институт, где воспитываются девочки! – кричали одни.

Другие старались перекричать их:

– Какое вам дело! Пусть играет, если хочет. Если Принц заступился за него, – значит, он прав.

– Ваш Принц – сам девочка. Смотрите, какие у него длинные волосы, хоть косу плети! – хохотал Грушин и вдруг высоко подбросил Стешу.

Стеша упала на пол и фарфоровая ее головка разбилась вдребезги.

Это было уже слишком. Как ни сдерживался Сережа, как ни крепился, но при виде разбитой Людочкиной любимицы он разрыдался. В одной рубашонке подскочил он к Грушину.

– Злой мальчик! Эту куклу мне дала маленькая сестрица и не для игры дала, а на память, понимаешь, на память, чтобы взять из дома какую-нибудь вещь, которая бы живо напоминала о ней. Людочка дала, а ты разбил... Злой... злой... нехороший.

При виде неподдельного горя Сережи мальчики, заступавшиеся было за Грушина, притихли. Те же, которые были на стороне Принца, бросились поднимать осколки, а сам Принц обнял Сережу и старался его утешить.

– Не плачь, мы ее склеим, а нет – попросим Василия Ивановича купить другую голову. Я много видел точно таких же в Гостином дворе. У меня есть рубль в кошельке, возьми, пожалуйста, и купи новую головку кукле. Людочка не узнает.

Рыжий стоял пристыженный, не зная куда девать глаза. Многие из его прежних товарищей перешли на сторону Сережи и Принца.

– И в самом деле, зачем было бить игрушку, принадлежавшую другому? – рассуждали одни.

– Тем более, что куклу Горину дала его маленькая сестренка, – вторили другие.

Принц подобрал осколки Стешиной головки, но – увы! – склеить ее не было никакой возможности: она разбилась вдребезги. Сережа был безутешен.

Людочка будет очень печалиться, – твердил он на все уговоры Принца и спрятал безголовую однорукую Стешу в карман своей курточки.

Новой головки он не хотел.

«Людочка наверное узнает! – думал он. – Ведь у ее Стеши были такие трепаные, всклокоченные волосы, каких нет у других кукол, да и от частого мытья и Людочкиных поцелуев красные щеки Стеши полиняли».

– Не надо, Принц, – отклонил Сережа протянутую ладонь мальчика, на которой блестел круглый серебряный рубль, – спасибо тебе! Ты добрый! Но новой головки я не буду покупать, не надо.

Глава 3

На пансионской кухне рубили капусту, заготавливали ее на зиму. Об этом таинственно заявила горничная Паша Мартику Миллеру. Мартик был не только любимцем всех пансионеров и начальства, но и прислуги. Объявив ему столь интересную новость, краснощекая Паша порылась в кармане, где у нее с неизменным наперстком, огрызком сахара и катушкой черных ниток лежала кочерыжка. Паша вытащила кочерыжку и сунула ее Мартику, как только воспитатель отвернулся на минуту от стола малышей. Тот поблагодарил Пашу, но от кочерыжки отказался, передав ее товарищу. Мартик был настоящий маленький немец и не терпел капусты. Зато товарищи его, все младшее отделение пансиона Пушки, набросились на кочерыжку: ее разделили на двенадцать частей, и каждый мальчик мог насладиться ею. Кусочки, однако, оказались очень маленькими.

– Не стоило и пробовать! – решительно заявил Принц и, немного подумав, прибавил: – Я пойду сам на кухню и достану целых двенадцать кочерыжек.

– Он, братцы, хвастается, – засмеялся Рыжий.

– Хвастаюсь? – с негодованием воскликнул Принц. – Ну, вот увидишь, как я хвастаюсь! А за то, что ты так сказал, я не принесу кочерыжки на твою долю. Слышите, братцы, я не принесу ему кочерыжки!

– Хорошо! Хорошо! Отлично! Пусть он будет наказан, – раздалось со всех концов стола.

– Сережа, – обратился Принц в сторону своего нового друга, – не хочешь ли и ты пойти со мною?

Сережа не желал идти: он боялся Пушки и наказания, но возразить маленькому Принцу ему не хотелось, и потому он твердо и весело сказал:

– Хорошо, пойдем.

– Вот и отлично! – обрадовался тот, – ты не бойся, мы ни за что не попадемся, только слушай меня и исполняй все, что я тебе прикажу. Как только Василий Иванович отойдет разговаривать с воспитателем старших, ты спустишься под стол и сиди там как только можешь тихо. Ну, братцы, не выдавать, – сказал Принц, и прежде чем кто-либо успел сказать слово, юркнул под стол.

Сережа выждал время, когда Василий Иванович отошел от стола, и последовал примеру Принца.

Скатерть доходила почти до пола и потому сидящих там никто не мог заметить. К тому же они притихли, как мышки. Сережа видел вокруг себя больше двух десятков ног, разных размеров, обутых в разные ботинки. Вот туфельки Мартика Миллера с блестящими пряжками, вон лакированные щегольские сапожки Жучка, а вот большие желтые сапоги Грушина. Вот эти сапоги вытягиваются по направлению его, Сережи, точно хотят достать его.

– Э-э! Стой, братец, – прошептал со смехом Принц, за-

метивший маневры сапог Грушина. – он тебя хочет достать, Сережа, погоди же.

И прежде чем Сережа мог остановить своего друга, Принц подполз к Рыжему и сильно ущипнул последнего за ногу.

Рыжий благим матом заорал на всю столовую. Сережа сидел под столом еле живой от страха. А Принц чуть не давился от смеха. Мальчикам слышно было, как подскочил к столу Василий Иванович и с беспокойством спрашивал Рыжего, что с ним случилось? Рыжий не смел при всем классе выдавать Принца и Сережу, к тому же он считал себя отчасти виноватым и потому отвечал, заикаясь:

– Это ничего... виноват... Василий Иванович, меня... меня укусила блоха!

– Чего же ты орешь, точно не блоха, а змея тебя ужалила, – вышел из себя воспитатель, не любивший Рыжего за грубость и лень. – Ты будешь наказан!

Мальчики встали из-за стола, выстроились в пары и направились в класс. Принц и Сережа остались сидеть под столом.

«Лишь бы не заметили нашего отсутствия», – думал Сережа, не высказывая, однако, своих опасений вслух. Он боялся показаться Принцу жалким маленьким трусишкой, боялся потерять дружбу такого смелого и веселого мальчика, каким был Принц.

– Теперь пора, – сказал тот, когда уже не было слышно голосов удалившихся мальчиков, – вылезай, Сережа.

И оба они осторожно, на четвереньках, как две маленькие собачки, выползли из-под стола.

– А теперь живо налево-кругом, рысью марш, – продолжал командовать Принц и, крепко взявшись за руки, мальчики бегом, стараясь не шуметь и потому едва ступая, бросились на кухню, находившуюся рядом со столовой.

* * *

– Господин повар, не откажите дать нам кочерыжек! – насколько мог любезно проговорил Принц и улыбнулся.

А когда Принц улыбался, то отказать ему в просьбе уже не было никакой возможности. Так думал, по крайней мере, Сережа, и так, по всей вероятности, подумал и повар, потому что перестал рубить капусту, наполнявшую большую кадку, и ласково посмотрел на мальчика.

К тому же Принц назвал повара господином. А кому не известно, что повара ужасно любят, когда их так величают.

– Как вас зовут, маленький барчонок? – спросил повар.

– Меня зовут Принц, – смело ответил мальчик и, заглянув в кадку с капустой, прибавил, указывая на своего спутника: – а его зовут Сережа.

– Ну-с, господин Принц и господин Сережа, – произнес повар, – я дам вам кочерыжек, только, сохрани Бог, как бы Антонина Васильевна не узнала. А то всем нам плохо придется!

И, подойдя к кухонному столу, повар отобрал из нескольких десятков лежащих на нем кочерыжек пять самых больших, белых, и протянул их мальчикам.

– Только пять! – разочарованно протянул Принц. – А нам нужно одиннадцать! Ах, господин повар, будьте так добры, дайте нам одиннадцать кочерыжек!

Повар взглянул на Принца и громко расхохотался. Даже белый колпак его трясся от смеха и передник плясал и вздрагивал на его большом животе.

– Одиннадцать кочерыжек, – еле мог выговорить он между взрывами смеха, – да куда же вам столько? Солить или мариновать их на зиму будете?

Повар оказался очень веселым человеком: он смеялся все время, пока Принц старался пояснить ему, что одиннадцать кочерыжек съедят одиннадцать мальчиков, что их собственно двенадцать пансионеров в младшем классе, но что Рыжик не получит своей доли, так как позволил себе насмеяться над ним, Принцем, и считать его трусом.

Повар выслушал мальчика и дал все одиннадцать кочерыжек.

Ну, с Богом! Смотрите, барыне не попадитесь, – напутствовал он ребят.

– Благодарю вас, большое спасибо, господин повар! – торжественно проговорил Принц и вдруг замолк на полуслове.

Из-за двери послышался резкий голос Пушки:

– Почему неплотно закрывают кухни? По всему пансиону

воняет капустой!

В ту же минуту дверь шумно распахнулась и влетевшая в кухню, как пуля, горничная Паша прошептала отчаянно:

– Спасайтесь! Начальница идет!

Мальчики замерли на месте. «Господин» повар растерялся не меньше. Одна только краснощекая Паша не потеряла присутствия духа, быстро схватила Принца за плечи, подняла его над бочкой и тотчас опустила прямо в нарубленную капусту. В следующую секунду она то же самое проделала и с Сережей. Мальчики по пояс ушли в капусту, которая своим запахом ужасно била в нос.

– Господи! Только бы не чихнуть! – взмолился Сережа и обеими руками зажал свой нос.

Пушка вошла на кухню. Повар настолько оправился, что мог приветствовать свою барыню и начальницу с добрым утром.

Но Пушка, раздраженная с утра запахом капусты, наполнявшим пансион, не обратила внимания на приветствие повара и сердито сказала:

– Зачем на полу валяются кочерыжки? Надо все их выбросить в помойную яму. Не вздумайте только угощать ими пансионеров!

– Боже сохрани! – искренно вырвалось из уст Паши.

Она как будто забыла вовсе о данной ею за чаем Мартику Миллеру кочерыжке.

Сережа и Принц, несмотря на страх, не могли не перегля-

нуться в своем убежище.

– Скоро ли она уплывет? – спросил Принц.

– Ах, скорее бы! – также шепотом отвечал Сережа, – мне ужасно хочется чихнуть!

– Ай, не надо! – искренне взволновался Принц. – Потерпи как-нибудь, пожалуйста, потерпи как-нибудь, голуб...

Но было поздно... Того, что случилось, никак не ожидал ни Принц, ни Сережа.

Несмотря на искреннее желание терпеть, Сережа, однако, не выдержал и... чихнул, – да так громко, что не только можно было его услышать на кухне, но и в классах, пожалуй, и в спальне, и гимнастическом зале.

Мальчики помертвели и с ужасом ждали роковой минуты.

Ждать, однако, пришлось недолго.

Прямо над ними склонилось взбешенное лицо Пушки.

– Так вот оно что! – зашипела она, – вот вы как! И ты, Сидор, их покрываешь, – бросила она в сторону оторопевшего повара. – Очень хорошо, прекрасно, отлично! Вы оба будете примерно наказаны! Вылезайте из бочки.

Вылезайте! Хорошо было ей приказывать, а каково выполнить!

И Сережа, и Принц поняли, как трудно им будет вылезать из их убежища.

Бочка была гораздо выше их роста.

Если бы они позвали на помощь повара или Пашу, то начальница узнала бы о сообщничестве прислуги. А этого доб-

рые шалуны не хотели.

– Я тебя подсажу, – сказал Принц, – а ты ухватись за край бочки и вылезай, а потом и я попробую.

Он посадил Сережу, и тот уже взобрался было на верх бочки, но в это время от тяжести обоих мальчиков, налегших на край ее, бочка опрокинулась. Мальчики поднялись с пола смешные и жалкие, причем их волосы, платье, ботинки – все было облеплено сырой и скользкой капустой, а карманы топорщились от наложенных в них доверху кочерыжек.

В таком виде они предстали перед грозными очами Антонины Васильевны.

– Очень хороши! Куда как хороши! Полюбуйтесь-ка на них! – обратилась начальница к оробевшей прислуге.

Но никто не любовался.

Даже смешливому повару было не до смеха. Он ужасно боялся потерять свое место в пансионе.

Пушка взяла за одну руку Принца, за другую Сережу и повела их в класс.

* * *

Когда начальница и два маленьких преступника появились на пороге, весь класс дружно ахнул. С их голов капала мутная водица, листики капусты прилипли к лицу и волосам, а карманы, наполненные кочерыжками, смешно топорщились. Громче всех хохотал Грушин. Остальные же маль-

чки скоро вспомнили, почему попались Принц и Сережа, и, считая себя виноватыми в их поступке, перестали смеяться.

Начальница не успела заметить оттопыренных карманов мальчиков, и кочерыжки все-таки остались у них.

– Стойте у печки, носами в угол! – строго проговорила Пушка, – а за обедом и завтраком вы будете стоять в таком виде в столовой, чтобы раз навсегда знали, как себя хорошо вести!

И, поставив Сережу с одной стороны к печке, а Принца с другой, Пушка величественно выплыла из класса.

Сереже было очень неловко. Хорошо еще, что начальница повернула его лицом в угол и не видно было его пылающих щек. Принц же чувствовал себя прекрасно. Он начал с того, что вытащил из карманов все свои сокровища и стал перебрасывать по одной кочерыжке ближе всех сидящему Жучку. Жучок принимал кочерыжки и рассылал их по классу. Когда Принц освободил свои карманы, он обратился к Сереже:

– Давай скорей твои кочерыжки!

И снова Жучок разослал лакомства по всем скамейкам. Отец дьякон ничего не заметил. Он старательно рассказывал мальчикам о том, что было после Всемирного потопа. Таким образом, Принц исполнил свою задачу: все одиннадцать мальчиков получили одиннадцать кочерыжек. Один Рыжий не получил ничего.

Сережа и Принц геройски отбыли свое наказание. Они

стояли все уроки в углу, а во время обеда и завтрака – за черным столом, находившимся в стороне от прочих, не покрытых скатертью, за которым обедали только провинившиеся и наказанные ученики.

– Не беда! – успокаивал Принц приунывшего было Сережу. – Все-таки лучше это наказание, чем если бы она не пустила нас в субботу домой. А я к вам собирался. Уж очень мне с твоей мамой и Людочкой познакомиться хочется. Да, кстати, и Арапку посмотреть. А Пушки я не прощу. Вот увидишь, что я сделаю завтра!

– Нет, Принц, не делай ничего, – взмолился Сережа. А то она тебя накажет.

– Не накажет! Не узнает! Вот увидишь, как это будет забавно!

И Принц, придумавший какую-то, должно быть, очень веселую штучку, залился звонким смехом, совершенно позабыв о том, что он наказан и что находится за черным столом.

* * *

Принц сдержал свое обещание.

На следующее утро мальчики были раньше времени разбужены громким смехом Жучка, спавшего как раз против портрета Пушки. Все одиннадцать мальчиков разом проснулись.

Жучок, будучи не в силах произнести хоть одно слово от

душившего его хохота, махал руками по направлению портрета начальницы.

Пансионеры взглянули по направлению руки Жучка и разразились дружным смехом.

За одну ночь на лице изображенной на портрете Пушки выросли усы, борода и баки и совершенно изменили лицо почтенной начальницы пансиона.

– Кто это сделал? Чьих рук работа? Ай да молодец! Вот так украсил! – спрашивали все.

Но виновник не отыскивался. Правда, у постели Принца был найден кусочек угля, но это еще ничего не доказывало. Мало ли как мог попасть сюда уголь! И потом, разве мог Принц так мастерски разукрасить баками, усами и бородой лицо начальницы?

– Нет, вероятно, это сделал кто-нибудь из пансионеров-старшекласников, пока мы спали, – решили мальчики.

Один Сережа догадывался об имени молоденького художника.

«Это сделал Принц, непременно Принц!» – решил он и взволновался.

В самом деле, что будет с его маленьким другом, если Пушки узнает о его новой шалости! Ведь она его не простит, ни за что не простит! И в отпуск не отпустит в субботу, и опять поставит носом в угол, и за черный стол посадит во время обеда и завтрака. А на субботу Сережа возлагал такие надежды! Как ему хотелось привести Принца в их квартирку

на Мытнинской набережной, из окон которой открывается такой славный вид на Неву, и познакомить его с Людочкой, с мамой и похвастать всякими «штучками» Арапки, на которые тот великий мастер и охотник!

– Послушай, Принцынька, ведь это ты сделал? – насколько мог мягче спросил Сережа, когда они были в стороне от остальных мальчиков.

– Что? – притворился непонимающим маленький шалун.

– Да разрисовал Пушку!

– Я! – нимало не смущаясь, ответил Принц и смело потрянул белокурыми кудерьками.

– Но тебе попадет, – испуганно заметил Сережа.

– Конечно, попадет, если выдадут! Только никто выдать не посмеет, – так уверенно сказал мальчик, что его спокойствие передалось Сереже, и он смеялся не меньше самого Принца, когда тот рассказывал ему, как под утро влез на ночной столик и «преобразил» Пушку.

Старшие пансионеры прослышали о новой проказе младших и пришли посмотреть на превращение Пушки, которую никто не любил за раздражительность и несправедливость.

Даже повар Сидор и краснощекая Паша прибежали взглянуть на портрет. И все – и старшие, и младшие, и повар, и Паша, и сторож Вавилыч – все от мала до велика хохотали.

Принц торжествовал. Даже Сережа совсем успокоился, уверенный в том, что никто не узнает о поступке его друга.

Но веселье, однако, разом прекратились, когда появилась взбешенная Пушка.

– Что за шум? Что за крики? – негодовала она. – Вы ведете себя, как уличные мальчишки. Стыд и срам! Если это будет так продолжаться... я...

Но тут случилось нечто неожиданное.

Пушка взглянула на свое изображение и словно подавилась.

Из красной она стала багровой... С вытаращенными глазами и с вытянутыми вперед руками стояла она перед портретом и только зловеще потряхивала головой.

«Вот оно, начинается!» – подумал Сережа и с состраданием взглянул на Принца.

Начальница долго молчала. Наконец, она повернулась в сторону мальчиков и резко-отчетливо проговорила:

– Я подниму на ноги весь пансион, пока не найду виновного. Слышите ли вы, негодные мальчишки! И до тех пор, пока не отыщется виновный, я не позволю никому из мальчиков играть ни во дворе, ни в гимнастическом зале.

О, это было очень строгое наказание! И все двенадцать мальчиков вздохнули. Принц опустил глаза. Ему стало стыдно, что из-за его глупой шалости наказан весь класс. Поэтому, нимало не колеблясь, он вышел вперед и проговорил

дрожащим голосом:

– Простите меня, Антонина Васильевна, это сделал я!

– Что ты сделал? – как-то особенно резко взвизгнула начальница.

– Я нарисовал на вашем лице усы, бороду и баки! Простите!

– Простить? – протянула с особенным старанием Пушка. – Нет, голубчик, за это не прощают. Ступай в карцер, да скажи Вавилычу, что я тебя велела запереть до завтрашнего утра.

Принц, низко опустив голову, пошел исполнять приказание начальницы. А Пушка, все еще дрожащим от гнева голосом, приказала Грушину, как самому высокому из всего класса, влезть на ночной столик Мики Эрлера и снять портрет со стены.

Вблизи лицо Пушки, разрисованное Принцем, казалось еще смешнее, и мальчики поминутно отворачивались и тихонько фыркали, закрываясь ладонями.

– Принеси мне губку и полотенце, – приказала Антонина Васильевна тому же Грушину.

Когда тот подал ей требуемое, она собственноручно стала смывать уголь со своего портрета. От мокрой губки текла черная вода по портрету.

Видя, что ей не поправить дела, Пушка окончательно вышла из себя.

– Не на одни сутки, а на трое надо было бы посадить в

карцер злого, негодного мальчишку! – проговорила она.

Сердечко Сережи сжалось.

Он в первый раз почувствовал, как привязался к своему новому другу. «Лучше бы уж обоих наказали за вчерашние кочерыжки!» – думал он.

– Там темно? – робко спросил он у Жучка, когда Пушка, выбравив еще раз малышей, вышла из спальни.

– Где темно? – удивился Жучок.

– Да в карцере.

– Темно, сыро и крысы бегают, и летучие мыши летают, и твоему Принцу голову отъедят! – зло рассмеялся подоспевший Рыжий.

– Оставь меня и Принца в покое, – сердито сказал Сережа Рыжему, – ты злой мальчик, и я не хочу с тобой разговаривать.

– Ах, заплачу! – насмешливо ответил тот.

– Братцы, не ссорьтесь с утра! Как вам не стыдно! – сказал всех старавшийся примирить Мартик.

Мальчики выстроились парами и пошли в столовую пить чай.

* * *

Карцер, где сидел Принц, находился недалеко от прихожей. Ключи от карцера хранились у сторожа Вавилыча. Сережа после обеда долго ходил вокруг карцера, прислушива-

ьясь. Единственное крошечное окошечко находилось очень высоко от пола, и Сережа, даже поднявшись на цыпочки, не мог заглянуть через него в карцер.

Однако он прекрасно слышал, как ходил по карцеру Принц.

«Если б он знал, что я тут около него, он бы нашел способ влезть на подоконник и показаться в окне», – подумал Сережа.

Подойдя к дверной скважине, он сказал:

– Принц! Я здесь.

С минуту длилось молчание, потом Сережа ясно услышал, приложившись к замочной скважине:

– Здравствуй, Сережа. Это ты?

– Это я, Принц! Здравствуй.

– Что у вас делается в классе без меня? – продолжал говорить из своего заключения Принц, приложившись губами к замочной скважине.

– Все по-старому. Мальчики шалят и дерутся. Рыжий толкнул меня два раза и ущипнул четыре.

– Ах, он скверный! – рассердился Принц. – Вот погоди, выйду завтра, так задам же я ему на орехи. А тебе скучно без меня? – после короткого молчания раздалось из карцера.

– Очень скучно, Принц, – проговорил Сережа и так и замер на месте.

Перед ним стояла Пушка.

– Скучно, скажите на милость! – насмешливо сказала

она. – Так, чтобы веселее было, не угодно ли вам будет туда же, к товарищу на побывку. Вавилыч! – крикнула она на сторожа.

Вавилыч очутился перед своей госпожой в одну секунду, точно из-под земли вырос.

– Дай ключи!

Ключи были в кармане Вавилыча. Пока он полез за ними, вытаскивал их из кармана и отпирал дверь, Сережа замирал от страха, что вот-вот Антонина Васильевна передумает его наказывать, и он не увидит своего друга.

Но Пушка и не подумала изменять своего решения. Пока Вавилыч возился с ключами (у него их была целая связка), отыскивая ключ от карцера, Пушка отчитывала Сережу.

– И как тебе не стыдно, – говорила она, – третий день в пансионе, а так шалишь, что уже в карцер попал. Нечего тебе дружить с Вакулиным: он самый шаловливый мальчик из всего пансиона, и дружба с ним не приведет к добру.

Но Сережа не соглашался со словами Пушки. Котя Вакулин, или Принц, был, по его мнению, самый смелый, самый веселый, самый добрый мальчик, какого он только видел на свете, и любил его Сережа, как родного брата.

«Нет, – хотел он крикнуть в ответ на слова Пушки, – не говорите так про Принца! Он милый, чудесный, хороший!»

Но, однако, ничего не сказал, боясь окончательно рассердить начальницу.

Вавилыч в это время подобрал ключ из связки, воткнул

его в замочную скважину, распахнул дверь и... отступил от изумления.

Принца не оказалось в карцере. Вместо шаловливого маленького пансионера стояла хорошенькая голубоглазая девочка с двумя белокурыми косичками за плечами, в длинной юбке, кофточке для гулянья и котиковой шапочке со спущенной с нее вуалеткой. В руках девочка держала муфточку и низко приседала Пушке.

Пушка недоумевая моргала глазами и пяtilась от двери.

Вавилыч был удивлен и испуган не меньше самой начальницы.

– Да что же это, прости Господи, за наваждение! – шептал он и даже незаметно перекрестился.

Но внезапно девочка заговорила, и Сережа, и Вавилыч поняли, в чем дело.

– Антонина Васильевна, – начала девочка хорошо знакомым Сереже голоском. – Простите, пожалуйста, виноват, но в карцере так было холодно, его давно не топили, а ваше платье, жакет и шляпа висели в шкафу. Шкаф не был заперт, и я взял все это оттуда и надел на себя!

Это был Принц, его голос, его манера говорить, но Сережа ни за что бы не узнал своего друга в хорошенькой белокурой девочке.

Пушка хотела наброситься с выговором, разбранить Принца, но вместо этого только отвернулась, чтобы скрыть невольную улыбку. Уж очень был забавен и мил маленький

шалун в своей новой роли. К тому же Пушка была хоть и вспыльчивой, но сердце у нее было доброе, и она не могла долго сердиться на своих шалунов-питомцев.

– На этот раз прощаю вас обоих, – проговорила она, – но, надеюсь, ты не повторишь больше своей злой утренней шалости. Мне жаль портрета, потому что его мне подарила моя дорогая мать, которой уже несколько лет нет на свете!

И, говоря это, Пушка прослезилась. Эти слезы начальницы сильно подействовали на Принца.

– Простите Бога ради, Антонина Васильевна, – прошептал он, – я не знал этого. Моя шутка очень глупа, но я не злой мальчик. Простите меня, пожалуйста! Или нет, лучше накажите меня, мне будет легче.

– Нет, мальчик, я не буду наказывать тебя, – ласково ответила Антонина Васильевна. – Ты сам понял, как нехорош твой поступок.

Улегшись вечером в постель, Принц и Сережа долго беседовали о сегодняшних событиях.

– Нет, что ни говори, она очень добрая, – искренне произнес Принц.

– Очень! – подхватил Сережа.

– И мне ужасно стыдно, – продолжал его маленький товарищ, – что я нарисовал ей усы и баки на портрете! Сделанного не вернешь, только впредь, будь свидетель, я никогда не стану изводить Пушку. Спокойной ночи, Сережа!

– Спокойной ночи, Принц!

– Братцы, кто за мною? Я иду освободить маленькую собачку, которую мучают злые мальчишки на том углу улицы! – Принц соскочил с толстого сука березы, на котором уселся во время прогулки пансионеров по саду. Береза росла около самого забора и, если забраться на нее, то можно было видеть, что делалось по ту сторону каменной стены.

– Я за тобою! – ни на минуту не задумавшись, сказал Сережа.

– И я! – сказал Жучок.

– И я! И я! – вторили мальчики.

Желающих набралось очень много. Один только Рыжий, ненавидевший Принца, да боязливый Мартик не решились последовать за ним. Остальные же десять мальчиков окружили Принца и бросились к калитке сада.

– Берегись, Принц, берегитесь, братцы, – уговаривал мальчиков Мартик. – Василий Иванович сейчас вернется, и всем вам попадет.

– Достанется на орехи! – злорадно подтвердил Рыжий.

– Василий Иванович еще не скоро вернется, он будет читать газету очень долго! Я видел, как ее подал ему Вавилыч! – успокаивал в нерешительности остановившихся было перед калиткою мальчиков Жучок.

– Конечно! – подхватил Принц, – он не скоро вернется. А,

впрочем, я не принуждаю никого идти за мною. Трусы могут остаться. Мне их не надо. Кто боится – может не идти.

Но желающих остаться, кроме Рыжего и Миллера, не оказалось. Всем мальчикам хотелось идти на выручку собачки, а главное – чем-либо проявить свою храбрость в глазах товарищей. И потому все наперегонки бросились к калитке.

На противоположном углу улицы собралась большая толпа уличных мальчишек. Один из них держал на веревке маленькую дрожащую собачонку. Другой из большой садовой лейки, наполненной до краев водою, поливал ее. Она жалобно визжала, стараясь вырваться из рук своих мучителей. Но все ее усилия были тщетны. Бедняжке оставалось только трястись от холода.

Пансионеры, гурьбой высыпавшие из калитки, смело направились к маленьким мучителям. Принц, как главный зачинщик, выступил вперед:

– Зачем вы мучаете бедное животное? – строго спросил он.

– А тебе какое дело, – дерзко ответил мальчишка, поливавший собачонку из лейки, – собака не твоя, и не суйся, куда тебя не спрашивают.

– Молчать! – прикрикнул Принц и, оглядев стоявших за ним товарищей, добавил спокойнее: – Сейчас же изволь отдать мне собаку или я вырву ее у тебя силой.

– О-го-го! – дерзко рассмеялся маленький оборванец. – Ишь ты, какой прыткий: поспешишь, глядишь, людей рас-

смешишь. — И неожиданно он высоко поднял лейку над головой, и целая струя холодной и грязной воды залила лицо и пальто Принца.

— Ха-ха-ха! — дружно захохотали уличные мальчишки. — Вот так защитник.

Но долго им смеяться не пришлось.

Принц и пансионеры бросилась на них, и завязалась драка.

Уличных мальчишек было гораздо меньше, и потому пансионеры живо одолели их. Те обратились в бегство, оставив собачку в руках победителей. Сережа, пока дрались его товарищи, бросился к дрожащему от холода и страха животному, отвязал с его шеи веревку и, сбросив с себя пальто, укутал в него изящную собачку.

Она перестала жалобно визжать и притихла в руках своего нового покровителя. Сережа опрометью бросился назад в сад, тесно прижимая к груди собачку и стараясь отогреть ее своим дыханием.

* * *

Это была совсем маленькая, черненькая дворняжка, с круглыми изюминками-глазками и смешным, точно обрубленным хвостиком. Когда усталые мальчишки вернулись в сад, они обступили своего нового товарища и стали решать трудный вопрос: как его назвать.

– Я думаю, ему подойдет имя Шарик, – решил Жучок.

– Что ты! Что ты! – замахали на него руками мальчишки. – Ведь Шарик круглый, а он, видишь, какой худышка, точно пять дней не ел.

– Худышка, это правда! – сказал Мартик, и вдруг собачонка, услышав его голос, повернула голову и завиляла хвостом.

– Ах ты, бедный, – и Мартик приласкал песика, – ты точно и вправду Худышкой называешься, что оглядываешься на зов.

– А знаете, братцы, – предложил Принц, – мы назовем его Худышкой. Хорошо?

– Хорошо! Отлично, пусть он и будет Худышкой! – подхватило сразу несколько голосов.

– А только покормить не мешало бы! – сказал Сережа.

– Погодите, братцы, у меня есть сухарь в кармане! – вспомнил Мика Эрлер.

– Ну, вот еще, будет она есть сухари! Ему овсянку надо сварить, – посоветовал Жучок.

Но Худышка преблагополучно съела предложенный Микой сухарь.

– Ах ты, бедненькая, бедненькая Худышка, – соболезновали мальчишки и поочередно гладили ее мягкую черную шерстку.

Решено было просить у Василия Ивановича всем классом позволения оставить у себя собачку.

– Пусть она живет в комнате у Вавилыча, а мы будем да-

вать ему за это по рублю в месяц, – предложил кто-то из мальчиков, и все нашли эту мысль как нельзя более удачной.

Василий Иванович выслушал малышей и, переговорив с начальницей, позволил приютить собачку. Вавилыч изъявил тоже полное согласие и за рубль в месяц обещал ухаживать за нею.

– А кормить ее мы будем сами. Если купить в складчину несколько фунтов овсянки, то ей на месяц хватит, – порешили мальчики.

И судьба Худышки была определена. Она осталась в пансионе г-жи Власевой на попечении младшего класса.

В день ее принятия в пансион, Жучок слазил на чердак в сопровождении горничной Паши и притащил оттуда целый ворох соломы для постели Худышки. Мика Эрлер, как единственный, умеющий держать иголку в руках, сшил холщовую перинку и набил ее соломой. Мартик Миллер, собиравший потихоньку целую коллекцию разных ленточек, выбрал из них самую лучшую и повязал ее на шею Худышке. Черноглазый Жучок принес Вавилычу свою «собственную» большую фарфоровую чашку, на которой золотыми буквами была выведена надпись: «в день Ангела», и строго наказал Вавилычу кормить из нее Худышку. Вообще все ребята, составляющие младший класс пансиона г-жи Власевой, с большой нежностью и заботой относились к своему маленькому приемышу.

Один только мальчик невзлюбил Худышку. Это был Рыжий. Всем сердцем ненавидя Принца и Сережу, Грушин пе-

ренес часть своего недоброго к ним чувства на ни в чем не повинную Худышку.

– Противная собачонка! – кричал он, лишь только она подходила к нему, и грубо ее отталкивал от себя.

– Не ходи к нему, Худышка, он злюка, не люби его, – говорили мальчики.

– Куси его, куси, Худышка, – подуськивал Принц, не любивший в свою очередь рыжего Грушина.

И Худышка скалила зубы и рычала, лишь только Рыжий подходил к ней близко.

– Ну, подожди же ты у меня, дрянная собачонка! – говорил он. – Попадись ты мне только!

– Ничего ты с ней не посмеешь сделать, – волновался Се-режа, особенно полюбивший Худышку за то, что та напоминала ему Арапку, – она наша, и мы не дадим ее тебе в обиду.

– А вот увидите! – злобно поддразнивал Рыжий и метал исподлобья на покровителей Худышки сердитые взгляды.

Глава 4

– Палочка пришла, никого не нашла, кого первого найдет, тот за палочкой пойдет! – громко, скороговоркой говорил Принц в то время, как другие мальчики прятались по всему саду.

Принц искал не один. Ему помогала Худышка. Палочка-воровочка была не только любимой игрою мальчиков, но и собачонки. За месяц пребывания ее в пансионе Худышка сделала удивительные успехи в своем воспитании. Не говоря уже о том, что она отлично служила, танцевала на задних лапках и прыгала через руку не хуже любой дрессированной собачки из цирка, она умела играть в палочку-воровочку и прятки. И сейчас, когда Принц громко спросил: «Пора?» и ему откуда-то из глубины сада ответили умышленно заглушенные голоса: «Готов, пора!» – Худышка взвизгнула от удовольствия, подпрыгнула и помчалась впереди Принца, усердно обнюхивая землю и ища спрятавшихся мальчиков. Сад вокруг пансиона был громадный, и найти их было не так-то легко. Посреди сада, прямо перед крыльцом, была разбита большая площадка с качелями, гимнастикой и громадным мраморным бассейном, в котором летом мальчики купались, а зимой катались на коньках. Теперь, ранней осенью, бассейн казался темным, а вода в нем была холодная, как лед. По всему саду были разбросаны кусты бузины и вол-

чьи ягоды, и росли высокие березы и ели. Несмотря на такое множество убежищ, за которыми хоронились мальчики, Худышка их всех мигом отыскала.

Она обнюхивала каждый кустик, каждое деревце, с которых слетела уже добрая половина листвы, и затем, если там оказывался спрятавшийся мальчик, она с громким лаем и визгом бросалась на него, и облизывала его лицо и руки своим острым язычком. Таким образом вскоре почти все мальчики были найдены, благодаря стараниям Худышки.

И никому не удалось украсть палочки-воровочки. Лишь только кто-либо из игравших бросался к берегу бассейна, у которого на скамейке лежала палочка, Худышка кидалась вслед за бегущим, совалась ему под ноги и точно всеми силами старалась помешать украсть палочку.

– Кажется, всех отыскала? – весело крикнул Принц.

– Нет, не всех! Смотри, бежит Грушин, он сейчас украдет палочку! – тревожно прокричал Сережа.

И, действительно, с противоположного конца сада сломя голову неся Рыжий к скамье с лежащей на ней палочкой. Увидя его, Принц бросился ему наперерез. Бросилась и Худышка, громко лая по своему обыкновению. За ними следом помчался и Сережа.

– Скорей, скорей, Принц! – кричали одни.

– Не зевай, Грушин! – вторили другие.

Рыжий и без того не зевал. В несколько прыжков достиг он желанной скамейки, как вдруг догнавшая его Худышка

внезапно вцепилась в сапог Рыжего и прокусила насквозь.

Рыжий заорал во все горло. Из сапога вытекла легкая струйка крови. Худышка, оказалось, укусила не только сапог Рыжего, но и ногу.

– Скверная собачонка! – не помня себя от бешенства, вскричал он, – вот я тебе покажу, как кусаться. – И Рыжий изо всей силы ударил собачку здоровой ногой.

Худышка присела на землю и жалобно завизжала. В ту же минуту подоспевший Сережа схватил ее на руки и крикнул Рыжему:

– Не смей ее обижать, скверный мальчишка! Или я...

– Что ты? – поддразнивал его Грушин, рассерженный и укусом Худышки, и непрошеным заступничеством Сережи.

– Или я пожалею Василию Ивановичу, слышишь!

– А я до тех пор вышвырну за забор вашу собачонку! – и Рыжий, насвистывая, как ни в чем не бывало, повернулся спиной к Сереже.

– Не смеешь! Слышишь, не смеешь! – твердил Сережа и с силой повернул Рыжего к себе, заставляя его дослушать свои слова.

Но Рыжий оттолкнул Сережу.

Мальчики стояли на самом краю бассейна. Рыжий не рассчитал своего движения. Толчок вышел слишком сильный, и Сережа с Худышкой в руках полетел в холодную темную воду.

Дружное отчаянное «ах» вырвалось из груди одиннадцати

мальчиков, и они замерли в страхе.

* * *

Ледяная вода на минуту отрезвила Сережу. «Я утону... утону вместе с Худышкой, – вихрем пронеслось в его мыслях. – Как будут плакать мама и Людочка, когда узнают, что утонул их Сережа! Нет, не хочу, не надо, я должен жить и буду жить. Господи, спаси меня».

И он потерял сознание.

Потом точно какой-то сон охватил Сережу. Сколько времени длился этот сон, он и сам не знал, но чувствовал, как его трясли чьи-то сильные руки. А в ушах стоял такой шум, что он ничего не слышал...

Сережа очень удивился, когда, открыв глаза, увидел около себя маму.

Он потянулся к ней, но от слабости должен был снова откинуться на подушку.

– Мамочка! Дорогая! Как я рад! – прошептал он.

Мама схватила его руку и крепко прижала к своим губам.

– Мамочка, дорогая! – еще раз сказал Сережа и снова забылся.

Когда он опять открыл глаза, мама была не одна: над ним склонилась кудрявая головка Принца. Сам Сережа лежал в кровати в совершенно ему незнакомой комнате.

Сережа стал напряженно вспоминать, как он попал сюда

и почему лежит в постели, а мама и Принц смотрят на него так грустно.

«Я, должно быть, болен», – решил Сережа и вдруг вспомнил все, что с ним произошло: ссору из-за Худышки, и холодную мутную воду, и чьи-то отчаянные крики.

– Мамочка, – произнес Сережа, – я ужасно рад, что не утонул. А где Худышка?

– Худышку тоже спасли, – поторопился успокоить его Принц, – впрочем, ее никто не спасал, она сама приплыла к берегу, а тебя вытащили старшие воспитанники и откачали, и теперь ты снова будешь здоровым!

– Ах, как хорошо! – обрадовался Сережа, – а где же я?

– Ты в комнате начальницы, и я останусь здесь, с тобой, пока ты совсем не поправишься, – успокаивала его мама и нежно гладила по головке.

Сережа не ощущал никакой боли... Ему хотелось спать и только.

Он уже начал забываться, как вдруг внезапно вспомнил, что виновником его падения был Грушин.

– Ему, наверное, попадет, если начальница узнает об этом, – тревожно проговорил Сережа, обращаясь к Принцу. – Непременно попадет.

– Непременно попадет. Да и поделом, – подхватил тот и сердито сжал свои маленькие кулачки, грозя невидимому Рыжему, – не толкайся, ведь не подоспей старшие воспитанники, ты бы захлебнулся и умер. Весь наш класс ужасно сер-

дится на Грушина, никто с ним не хочет сидеть рядом во время уроков и обеда, а главное – выключили его из всех игр и сторонятся его всем классом.

– А он что?

– Притих. Сознает свою вину и молчит. Валерик знает, что он толкнул тебя в бассейн и говорит, что как только донесет об этом, Пушка его непременно выключит из пансиона.

– Неужели выключит! – взволновался Сережа.

– Понятно! – спокойно подтвердил Принц. – И пусть выключит! Такого не жалко. Вот мать его жалко. Она такая бедная, несчастная, живет на крошечную пенсию и души не чает в сыне, думает, что ее помощником и опорой будет.

– Ну, довольно, дети, – прервала Сережина мама Принца. – Пора спать. Закрой глазки, Сережа, и спи!

Но спать Сережа не мог. Долго он ворочался с боку на бок, и ему все мерещилась печальная, горем убитая старушка, мать Грушина, просившая Сережу спасти ее сына.

* * *

Бодрый и здоровый поднялся на другое утро Сережа. Приехавший доктор внимательно осмотрел его и остался очень доволен.

– Молодчина! Чугунный он у вас, – обратился он, улыбаясь, к Пушке.

Сереежина мама уехала за теплым платьем для своего мальчика, так как день был субботный и пансионеров выпускали по домам.

Когда доктор уехал, позволив Серееже идти в класс, мальчик чуть не запрыгал от радости. Особенно приятно ему было обещание Принца пойти с ним в отпуск и провести целых два дня в гостях у Сереежи.

Но тут Сереежа вдруг вспомнил о Грушине и его бедной матери.

– Антонина Васильевна, – робко обратился он к начальнице, – я хотел спросить вас о Грушине...

– Не говори мне о нем, – строго ответила она, – я сейчас сажусь писать его матери, чтобы она взяла своего сына из пансиона.

– За что? – невольно вырвалось у Сереежи.

– Как за что! Или ты не знаешь, что тебя толкнул в бассейн этот негодный Грушин?

– Ах, нет! – горячо воскликнул Сереежа, – да, то есть, он толкнул меня... нечаянно... он не хотел. Я обидел его, я начал первый, я ударил сначала, а он только защищался... Уверю вас, он не хотел меня толкнуть...

Начальница внимательно слушала Сереежу. Когда он закончил, она сказала, строго сдвинув брови:

– Так вот, как это было. А мне передали совершенно иначе. Это меняет дело. Ты оказываешься более виновным, нежели Грушин, и следовало бы тебя примерно наказать, но

я полагаю, что ты достаточно наказан вчерашним падением в воду, и потому советую тебе только постараться исправить-ся: я не люблю забияк! Второго такого поступка я не прощу.

Несмотря на строгое лицо начальницы и на ее суровый тон, Сережа был счастлив, что ему удалось спасти Грушина. Если б он оглянулся, выходя из комнаты, то увидел бы, как строгое лицо Пушки озарилось доброй улыбкой и она чуть слышно сказала вслед Сереже:

– Храни тебя Бог, добрый мальчик, за твое чудесное сердечко. Ты не побоялся оклеветать себя, чтобы спасти своего недавнего врага.

А сияющий Сережа пулей влетел в класс, отыскал глазами сидевшего в углу Грушина и со всех ног кинулся к нему.

– Не печалься, Рыженький, не горюй! Она простила и ни за что тебя не выключит!

Грушин поднял на Сережу заплаканные глаза – ему уже было объявлено об его исключении, и он не понимал, что ему кричит так радостно Сережа.

Сережа должен был повторить... Мальчики окружили недавних врагов и закидали Сережу вопросами.

Потом, узнав в чем дело, все закричали в один голос:

– Молодец, Сережа! Добрый Сережа! Да здравствует Сережа!

Подхватив его на руки, ребята начали его качать. Когда счастливого мальчика опустили на землю, Грушин бросился к Сереже и, обнимая его, проговорил растроганно:

– Ты меня прости, Горин, я виноват перед тобою!

– Ну, вот еще! – засмеялся Сережа, – кто старое помянет, тому глаз вон.

* * *

– Няня, няня, да открой же скорее, звонок! – заволновалась Людочка, ожидавшая у окна возвращения Сережи.

– Иду! Иду, матушка! – и Домна Исаевна заторопилась к двери.

Каково же было удивление Людочки, когда вместо Сережи на пороге показался белокурый мальчик. Людочка даже попятилась назад и спряталась под передником Домны Исаевны. Потом она высунула оттуда свое личико и сказала:

– Нет, нет, это не Сережа!

– И Сережа здесь, и Сережа, – поспешил крикнуть из передней ее братишка, и через секунду он уже был в гостинной и крепко обнимал Людочку.

– А кто же это? – робко косясь на белокурого мальчика, спрашивала она Сережу.

– Это Принц, товарищ Сережи, – поспешила объяснить ей мама, – его зовут Котей, и он очень дружен с Сережей и очень его любит!

– Ну, если он любит Сережу, то и я его полюблю, – пресерьезно ответила малютка и, как взрослая, крепко пожала руку Принца.

– А где же Арапка?... Арапка, фью-фью! – свистнул Сережа, и откуда ни возьмись громадный черный Арапка бросился к Сереже и приветствовал его, лизнув в самое лицо.

Мальчики по очереди гладили собаку и наперебой рассказывали новости пансионской жизни: и о Худышке, и о Грушине, и о доброте Пушки, простившей мальчиков, словом – обо всем.

И мама, и Домна Исаевна, и Людочка – все слушали их.

Особенно внимательно слушала мама – слушала и не могла наглядеться и нарадоваться вдоволь на своего доброго, милого, великодушного мальчика, на своего дорогого Сережу...

Вместе со всеми слушал и Арапка. Он не сводил глаз с обоих маленьких рассказчиков, хлопал ушами, вилял хвостом и, казалось, без слов говорил всей своей собачьей персоной:

«Это ничего, что вы люди, а я только большой черный ньюфаундленд: я отлично понимаю все, что вы говорите, и куда умнее и развитее всех остальных собак в мире».

Принц провел в гостях у Сережи все воскресенье. Им было так весело, что они и не заметили, как этот счастливый день промелькнул, словно его и не бывало.

* * *

Как-то раз, проснувшись холодным осенним утром, маль-

чки увидели в окно спальни, что вся земля, крыши домов и деревья покрыты сплошь слоем белого снега.

– Вот так штука! – вскричал Принц. – Легли спать осенью – проснулись зимою.

– Зима! Зима! – раздалось со всех сторон, и мальчики гурьбой хлынули к окошку.

– Ну, теперь надо готовить коньки и салазки! – рассудительно произнес Жучок.

– Братцы, – предложил Петух, – давайте выстроим гору!

– Ну, вот еще выдумал, – насмешливо пожал плечами Грушин, – разве можно из первого снега гору строить... Как по такой прокатишься, так и провалишься.

– Вверх тормашками, – ввернул свое слово Принц, примирившись теперь окончательно со своим бывшим врагом.

После Сережиного падения в бассейн и последовавшего затем полного раскаяния со стороны виновника этого несчастья Грушина между троими мальчиками не было и помину о прошлых ссорах. Напротив того, они даже подружились с Грушиным и охотно играли с ним.

Грушин оказался вовсе не таким злым, каким его представляли себе наставники и товарищи: он был только чрезвычайно ленив и очень любил поддразнивать младших пансионеров; но со дня примирения его с Сережей и Принцем Грушин дал торжественное слово перед всем классом отвыкать от этой несносной привычки.

– Господа! – внезапно раздался голосок Принца, в то вре-

мя как мальчики в полнейшем безмолвии созерцали точно одетый в белое одеяние, сад и двор пансиона. – Знаете, что? Давайте-ка вместо горы устроим в саду снежную бабу!

– Да, да, бабу! Отлично! – послышалось со всех сторон, и все обступили Принца.

– И знаете что! – продолжал тот, блестя глазами от предвкушения новой забавы, – сделаем бабу и изведем Пушку.

– Да, да, изведем Пушку! – подхватили веселые голоса мальчиков, почуявших новую проказу в предложении Принца.

– Братцы, не надо! – нерешительно произнес Мартик Миллер.

– Ну, вот глупости! – вспыхнул Принц, – что тебе жалко ее, что ли? Или ты боишься, что она похудеет от злости? Так ведь это ей полезно, смотри, какая она толстая! – Принц совершенно позабыл о том, что дал себе слово не раздражать начальницу. Он повернулся к Мартику спиной и стал объяснять мальчикам, как им надо извести Пушку.

На Пушку Принц был ужасно сердит. Во-первых, она пожаловалась как-то на его проказы m-eur Рено, приходившему аккуратно каждую неделю узнавать об ученье и поведении своего маленького воспитанника, а во-вторых, непустила в последнюю субботу в отпуск к Сережиной маме. Принцу было страшно тяжело это наказание. Еще бы! Он обещал Людочке выдрессировать Арапку и сделать крепость из картонки от шляпы, а вместо этого целый вечер субботы и все

воскресенье пришлось просидеть в кабинете приемного отца, подле ненавистного Рено и учить французские глаголы! И Принц, рассерженный не на шутку, поклялся с этого дня изводить Пушку чем и как только может.

* * *

От трех до четырех часов по вторникам Валерик преподавал младшим гимнастику в рекреационном зале, но когда бывала хорошая погода, то урок гимнастики проводили в саду, и дети резвились на чистом воздухе.

На этот раз решено было перенести урок в сад, и мальчики гурьбой хлынули на площадку, находившуюся прямо перед окнами Пушки.

– Равняйся! Налево кругом! Руки кверху! Руки в бок!левой, правой! – кричал Валерик, и изо рта его при каждом слове шел пар, занимавший мальчиков.

Через четверть часа Валерик прекратил урок, находя, должно быть, что он достаточно надорвал себе горло, и пансионеры рассыпались по саду.

– Грушин и Сережа, подойдите сюда! – позвал Принц.

Он отвел их подальше от пансионеров и заговорил, захлебываясь от нетерпения:

– Помогите мне сгрести в кучу как можно больше снегу!

Сережа и Грушин не заставили его повторять и, взяв в руки по огромной лопате, забытой дворником у сарая, стали

сбрасывать в кучу снег.

Куча росла с каждой минутой. Начиная темнеть, из окон Пушки нельзя было уже различить, что делается на площадке. Мальчики тихонько позвали остальных, и вместе они соорудили небольшую, в рост десятилетнего ребенка, снежную фигуру. Валерика давно уже не было в саду, а воспитатель Василий Иванович остался с пансионерами, которым запрещено было гулять, в классе. Таким образом, никто не мешал, и снежная баба вышла на славу. Издали ее можно было принять за маленького человека, а когда Принц сбросил свое длинное пальто и круглую шапочку и надел на снеговика, он окончательно приобрел вид маленького пансионера.

Принц, обведя мальчиков глазами, крикнул задорно: – Ну-ка, кто теперь хочет известить Пушку?

– Я! И я! И я! – послышались голоса самых отъявленных шалунов класса.

– Ладно! Ладно! Не все сразу, – и Принц замахал на них руками. – Ты, Петух, и ты, Жучок, – самые подходящие. Вот что: я побегу теперь в спальню и лягу под кровать, а вы скажите Пушке, что я пропал. Поднимется суматоха! А когда она наищется вдоволь, кто-нибудь из вас бегите к ней и кричите, что меня нашли в саду, но я упрямлюсь и не хочу идти. А потом... потом... – тут Принц так и залился смехом, – потом уж увидите, что будет!.. Вот-то потеха!

Уже заметно стемнело, когда Василий Иванович вышел на крыльцо и стал звать мальчиков из сада. Принц, ежась от

холода, незаметно проскользнул в дом за остальными.

Сад опустел. Только перед окнами Пушки, спиною к ним, одиноко стоял маленький пансионер в аккуратно застегнутом, с поднятым воротником пальто и нахлобученной на самый нос меховой шапке.

* * *

Принц лежал под кроватью Морозова, крайней у печки, куда не только никто не заглядывал из пансионеров, но где даже и щетка редко проходила по пыльному полу... По крайней мере краснощекая Паша предпочитала мести под теми кроватями, которые находились ближе к коридорной двери. Зато теперь, лежа в добровольном заточении, Принц, благодаря неаккуратности Паши, узнал пропасть интересных вещей: узнал, что помадную банку, потерянную Валею Сторком, любимцем Пушки, никто не утащил, как уверял потерпевший, а она преблагополучно лежала тут же около печки и представляла из себя весьма печальное зрелище: помада растаяла от частой топки и, вылившись наружу, облепила банку, от которой пахло чем-то пряным и невкусным. Узнал также Принц и то, что под кроватью Морозова крысы проделали дырку, и писк по ночам, слышанный им в спальне, производят они, а вовсе не маленькие пансионеры, как думал Василий Иванович, спавший рядом в соседней со спальней младшего отделения крошечной комнатке.

Сначала Принц весь ушел в созерцание помадной банки и дырки в полу, но мало-помалу ему это наскучило, и он начал напряженно прислушиваться, стараясь угадать, что происходит в это время в классе.

А происходило вот что.

Как только мальчики вернулись в класс, с быстротою молнии разнеслась весть о том, что Принц пропал. Поднялась суматоха. Принца искали всюду: в старшем классе, в коридоре, в спальнях и даже на кухне. Пушка, испуганная исчезновением из пансиона мальчика, не позабыла заглянуть и в громадную кадку, из которой когда-то извлекла Сережу и Принца, перепачканных капустой. Но, разумеется, Принца там не оказалось.

Тогда начальница бросилась в спальню младших. Это было преинтересное шествие. Впереди шла со свечой Паша, хотя в свече не было никакой необходимости, потому что всюду горели лампы. За нею – Вавилыч, далее – Василий Иванович и, наконец, красная, взволнованная Пушка, замыкавшая шествие.

– Вакулин! – кричала начальница с порога каждой комнаты. – Вакулин, ты здесь? Откликнись!

Но Принц не откликался, и шествие направлялось дальше.

Младшее отделение г-жи Власевой прилежнее, чем когда-либо, принялось за уроки в этот вечер. Разумеется, никто из мальчиков и не думал учиться, всех так и разбирало:

«А что будет дальше?»

Один Сережа волновался.

«И зачем он выдумал эту глупую затею! – с тоской думал мальчик. – Ведь опять его накажут, что хорошего! А Людочка сказала, что будет ждать его в будущую субботу! А его не пустят, наверное не пустят».

Ровно в восемь часов, когда младший класс шел ужинать, неожиданно в столовую влетел с громким криком Ваня Изюмин, прозываемый Жучком.

– Я нашел его! Я его нашел!

– Где? Где? – так и набросилась на него Пушка.

– Нашел, нашел! – твердил Жучок. – Он в саду гуляет один! Я его звал через форточку: «Принц, иди!», а он и слушать не хочет!

– Ах, он скверный мальчишка! – вскипятилась Пушка, – скажи ему, чтобы шел сейчас же или он будет строго наказан.

– Да я ему и так уже говорил!

– А он что?

– Не идет!

– А ты бы оделся и привел его!

– Да он не послушается: Принц сильный, сильнее меня!

Надо кого-нибудь еще взять на подмогу.

Пушка задумалась на минуту, потом ее осенила какая-то мысль.

– Вот что, дети, и вы, Василий Иванович, оденьтесь и идите в сад! Я приду туда сейчас же. Поймайте мне Вакулина, и

сейчас же чтобы отправился в карцер, немедленно!

Мальчики были в восторге и от предстоящей вечерней прогулки, и от забавной облавы на снеговика, который изображал Принца.

Ватага веселых пансионеров с Пушкой и воспитателем во главе ринулась в сад.

* * *

– Вакулин! Домой!

Молчание.

– Вакулин, сию же минуту домой!

Новое молчание в ответ.

– Скверный мальчишка, иди сюда. Слышишь?

Но Вакулин ни с места.

Пансионеры тесно окружили снеговика, одетого в пальто Принца, и поминутно прыскали со смеха втихомолку от Пушки. А она надрывалась, призывая Принца. Пушка стояла на крыльце, не решаясь спускаться в сад без обуви, а Паша как нарочно медлила, не неся галоши.

Наконец Василий Иванович, отличающийся близорукостью, пробрался сквозь толпу пансионеров и, подойдя почти вплотную к снеговика, заговорил, стараясь урезонить шалуна Принца.

– Вакулин, и не стыдно тебе! Ты тревожишь начальницу, заставляешь ее стоять на холоде и простужаться. Какой при-

мер ты подаешь прочим мальчикам, а еще лучший ученик! Ай-ай-ай, как не стыдно, Вакулин!

Несмотря на уговоры наставника, Вакулин по-прежнему не шевелился, повергая в полное недоумение доброго Василия Ивановича.

Наконец, галоши были принесены, надеты на ноги Антонины Васильевны, и она почти бегом, задыхаясь от волнения, бросилась к Принцу, окруженному мальчиками. Схватив предполагаемого Принца за рукав пальто, она стала сильно трясти его из стороны в сторону. От сотрясения, плохо приделанная к туловищу голова снежной бабы отвалилась вместе с шапкой и, упав на землю, рассыпалась на несколько кусков.

Снеговик в пальто стоял теперь уже обезглавленный. Пансионеры хохотали до изнеможения, а взбешенная Пушка с громкими угрозами «негодным шалунам», как разъяренная львица, ринулась в дом на новые поиски исчезнувшего Вакулина.

Но искать его долго не пришлось на этот раз: Принц преспокойно спал на своей кровати, и когда разбудившая его Пушка, захлебываясь от злости, стала выговаривать ему, он открыл заспанные глаза, бессмысленно вытаращил их на начальницу и вдруг сердито-жалобно заговорил:

– Что такое? Какая баба? Что надо? Ничего не понимаю! У меня болит голова, дайте мне спать, пожалуйста! – И вдруг, придав своему лицу плачущее выражение, он заре-

вел во все горло, протяжно и смешно растягивая слова, как это делают обыкновенно самые маленькие дети. – Дайте мне спать. Я па-пе ска-жу!

Пушка как ошпаренная отскочила от постели ревущего благим матом Принца и, зажав себе уши, прошептала в смертельной тоске:

– Господь Милосердный! Что это за ребенок!

Затея Принца удалась на славу.

* * *

Принц отсидел шесть дней в карцере, и снова все вошло в свою привычную колею.

Сережа опять был в воскресном отпуске без своего друга.

– А как же Принцынька? – приставала к нему Людочка, пока мальчик не решился, наконец, сказать, что Принц снова наказан.

– Ах, он бедненький, – чуть не плакала Людочка, узнав похождения своего любимца. – А Пушка злая, гадкая! Я ее не люблю! Терпеть не могу! Ты ей так и скажи это от меня, Сережа!

Но мама объяснила расходившейся девочке, что Пушка тут ни при чем и что Котя Вакулин наказан за дело, что нехорошо подшучивать над старшими, а тем более над начальством, и Людочка несколько успокоилась.

– А ты все-таки передай ему, – сказала она Сереже, когда

тот в понедельник утром складывал свои книги, приготавливаясь идти в пансион, – что я его очень люблю, Принцыньку, и что непременно приду вас навестить на этой неделе с няней. Ведь можно, мамочка? Да?

– Конечно, можно, девочка! – улыбнулась мама, и тут же было решено, что Людочка с Домной Исаевной придут в пансион в четверг утром.

Людочка сдержала свое обещание, и в четверг, когда пансионеры сидели за завтраком, она пришла в сопровождении Домны Исаевны и Арапки и попросила Вавилыча вызвать брата и Вакулина из столовой.

Принц и Сережа напергонки бросились в прихожую. Людочка, при виде их, весело захлопала в ладоши, Арапка завизжал и запрыгал, Домна Исаевна зашикала, умирняя маленькую команду, словом – они наделали сразу столько шума в крошечной пансионерской прихожей, что из столовой прибежал Василий Иванович, а за ним и несколько пансионеров младшего отделения.

– Вот так пес! Настоящий медведь! Как его зовут, Горин? – раздавались восклицания столпившихся в прихожей мальчиков.

Сережа, запыхавшийся и довольный тем, что его любимец произвел впечатление на его товарищей, говорил, что собаку зовут Людочкой, а сестрицу Арапкой и просил собаку сделать реверанс пансионерам, как подобает умной девочке, а Людочке наказывал не кусаться и вести себя вполне благо-

пристойно.

– Что ты мелешь, Горин? – остановил его Василий Иванович.

Тут только Сережа понял свою оговорку и рассмеялся. Рассмеялись и пансионеры. Звонким, как серебряный колокольчик, голоском залилась и Людочка. Арапка, видя, что все радостно и весело смеются, тоже засмеялся – только по-своему, по-собачьи, ужасно разевая пасть, точно готовясь проглотить и пансионеров, и воспитателя, и сторожа Вавилыча, при этом он издавал отчаянный лай, от которого звенело в ушах, и у непривычных к этим звукам маленьких пансионеров пробегала легкая дрожь по спине от страха.

В эту минуту в прихожей раздался звонок. Вавилыч бросился отворять двери.

Вошла Пушка, нагруженная пакетами.

– Что такое? Что здесь за шум? – строго спросила она и вдруг, увидя громадного, с открытой пастью Арапку, вскрикнула:

– Батюшки, медведь! – и присела на пол.

Напрасно Принц и Сережа уверяли почтенную даму, что это вовсе не медведь, а только собака и вдобавок совсем не страшная, – начальница все повторяла:

– Прочь ее! Прочь сейчас это чудовище! – и быстрым шагом бросилась из прихожей.

У Арапки была одна особенность: он не мог равнодушно видеть бегущего человека. Теперь, видя, как толстая барыня

выскочила в коридор, он предположил, что она хочет с ним поиграть, и быстрыми скачками кинулся за ней вдогонку, отчаянно лая на весь пансион. Пушка обомлела. С минуту она стояла в нерешительности, потом, видя, что собака приближается к ней, быстрыми прыжками, с громким криком, снова бросилась бежать. Арапка за нею. За Арапкой мчался на смерть перепуганный Сережа, который кричал начальнице, что собака не укусит, и старался схватить Арапку за хвост. За Сережей бежал Принц, хохочущий во все горло, забывший, что едва прошли сутки, как он вышел из карцера, где отсиживал за непочтение к старшим. За Принцем бежал Василий Иванович, неистово крича:

– Тубо, Трезорка, тубо!

Но собака, которую звали Арапкой, а не Трезоркой, конечно, и в ус не дула, как говорится, а мчалась по пятам начальницы с неистовым лаем.

Старшие пансионеры выскочили из столовой посмотреть на новую проделку младших.

Наконец, Пушка, достигнув своей комнаты, изо всех сил рванула дверь и, вбежав туда, захлопнула ее перед самым носом Арапки.

Арапка сразу осел. Все его собачье веселье мигом как рукой сняло. Он примостился перед закрытою дверью и стал помахивать хвостом и жалобно подвывать, как бы жалуясь на то, что так неожиданно и скоро прервали его забаву. В ту же минуту из-за двери послышался сердитый голос Пушки:

– Позвать сюда Вакулина, Горина и всех мальчиков, уськавших собаку.

– Уськавших собаку? – переспросил Принц, и у него разом прошла всякая охота смеяться.

Если ему было весело бежать вместе с другими за собакой, то уж вовсе неинтересно отсиживать второе наказание в карцере, из которого он только что вышел. А между тем на это было очень похоже. Очевидно, начальница приняла глупую выходку Арапки за новую шалость мальчиков. Недаром же она звала всех тех, кто «науськивал» собаку.

Сережа, Принц и другие пансионеры тревожно переглянулись.

– Она ни за что не поверит, что мы не нарочно сделали и что во всем виноват один Арапка, – понурясь, произнес Сережа.

– Василий Иванович скажет! Ведь вы скажете, Василий Иванович, что мы не нарочно! Да? – самым умильным голосом попросил Принц воспитателя.

Но тот был сердит на Принца за последнюю его проделку со снежной бабой и наотрез отказался заступаться за него.

– Ну, тогда ты, Валя Сторк, пойди к Антонине Васильевне и объясни все как было, – попросил Принц худенького, невысокого, некрасивого мальчика, любимца Пушки.

– Вот еще, стану я заступаться за вас, шалунов, – насмешливо отвечал Сторк, – да и потом, я не ручаюсь, что ты или Горин не подуськивали Арапку.

– Ах ты, гадкий мальчишка! – процедил сквозь зубы Принц, не желая поднимать ссоры в присутствии Людочки и няни.

А между тем из комнаты начальницы раздался новый возглас, звучащий много строже первого:

– Вакулин и Горин, две субботы без отпуска и марш под арест на целую неделю!

– Что это! – воскликнула Людочка, подошедшая к мальчишкам в сопровождении няни. – За что вас наказывают? Ведь вы не виноваты, бедненькие!

– Ничего, ничего, Людочка! – утешал Сережа девочку. – Она вовсе не злая и простит нас, сейчас же простит, как узнает, что мы не виноваты!

– А как же она узнает?

– Ей кто-нибудь расскажет, – убежденно проговорил Принц.

– Да как же она узнает, – не унималась девочка, – когда ни этот строгий господин, – она посмотрела в сторону удалявшегося Василия Ивановича, – ни тот злой мальчик, которого просил Принцынька, не хотят заступиться за вас.

– Не беда, Людочка, посидим в карцере, эка невидаль! – весело проговорил Принц.

– Но я не хочу! Не хочу! Не хочу, чтобы вы сидели в карцере! – совсем уже готовая заплакать говорила девочка.

Вдруг внезапная мысль осенила ее, и мгновенно ее розовое личико расплылось в лукавой и веселой улыбке.

Она с таинственным видом посмотрела на обоих друзей, потом перевела тот же лукавый взгляд на няню Домну Исавну и, решительно подойдя к комнате Пушки, взялась за ручку двери.

– Что ты делаешь, Людочка? – вырвалось разом у няни, Принца и Сережи.

Но было уже поздно.

Людочка повернула ручку и вошла в комнату начальницы.

Глава 5

Если бы перед разгневанной Пушкой предстала старая, седая колдунья, она бы удивилась ничуть не меньше, чем теперь, увидя перед собой нарядную маленькую девочку, смотревшую на нее застенчиво и кротко.

– Что тебе надо, малютка? – обратилась она к девочке.

Людочка взглянула на начальницу. Она решительно ничего не находила ни дурного, ни злого в ее все еще красном от волнения, полном лице, которое так недолюбливали и брат, и ее новый друг Принцынька.

«Наверное, она их простит, если попросить хорошенько, – подумала девочка, – она добрая».

– Пожалуйста, добрая госпожа Пушка, простите Принца и Сережу. Уверяю вас, они не нарочно. Один Арапка виноват и больше никто. Он очень глупый – Арапка, но он тоже больше не будет. Пожалуйста, госпожа Пушка, простите их!

Г-жа Власьева уже собиралась было вскочить со стула и накричать на девочку за то, что она назвала ее Пушкой. Антонина Васильевна знала, что пансионеры, большие и маленькие, прозвали ее так, и напоминание об этом раздражало почтенную даму.

«Такая крошечная, – сердито подумала она про Людочку, – а уже позволяет себе дерзить старшим!»

Но, заглянув в ее кроткие глаза, Пушка вдруг поняла, что

эта милая, хорошая девочка далека от мысли ее обидеть. Людочка подвигалась все ближе и ближе к ней и твердила:

– Ну, пожалуйста, ну, пожалуйста, миленькая, добренькая, госпожа Пушка, не сердитесь на них и не наказывайте! Право же, это все Арапка!.. накажите лучше Арапку!.. Посадите его в карцер... только не Сергунчика и не Принцыньку. Пожалуйста, госпожа Пушка!

Каждый раз при повторении этого ненавистного прозвища Пушку передергивало, но девочка так нравилась ей своим открытым личиком, что рассердиться на нее она положительно не могла.

– Меня зовут Антониной Васильевной, а не Пушкой, малютка! – произнесла она как можно ласковее, чтобы не испугать ребенка. – И ты не зови меня больше Пушкой. Слышишь?

– Хорошо! – покорно произнесла Людочка и тут же стала пояснять начальнице, как она с няней пришла навестить Сережу и Принца, и как за ними увязался противный Арапка и как он стал лаять на весь дом и напугал всех пансионеров.

– И потом вы вошли, – торопливо пояснила девочка, – испугались и побежали, а глупый Арапка думал, что с ним играют, и тоже побежал за вами. А его никто не думал усыкать. Правда! Принц и Сережа такие добрые... Они бы ни за что не стали... Принц веселый, он обещал устроить крепость из картона в следующий свой отпуск... Ах, как я его люблю! И Сергунчика, и маму! Тех еще больше! И няню! Всех, всех! –

неожиданно заключила Людочка.

Пушка слушала с большим вниманием все, что ей рассказывала эта маленькая голубоглазая девочка, и постепенно морщинки на ее сердито нахмуренном лице расправлялись и улыбка то и дело трогала до тех пор плотно сжатые губы.

– Наконец, когда Людочка остановилась на минуту, чтобы перевести дыхание, Пушка спросила:

– Как тебя зовут, девочка?

– Людочкой!

– Вот что, Людочка, – сказала начальница и погладила девочку по кудрявой голове, – я верю, что ты говоришь правду; ни твой брат, ни его товарищ не виноваты в том, что собака бросилась за мною. Поэтому пойд и скажи им от моего имени, что они не будут наказаны и я не посажу их в карцер.

– И Арапку тоже не посадите? – тревожно спросила Людочка.

– И Арапку не посажу! – с невольной улыбкой произнесла начальница и тут же прибавила шутливо: – А только Арапку следовало наказать за то, что он не умеет себя вести. Ну, да ладно. Ведь он тоже не будет больше? Как ты думаешь, Людочка?

– Не будет! – убежденно ответила девочка.

– Вот и отлично, – совсем уже развеселилась Антонина Васильевна, – и Арапку мы с тобой простим.

– Ах, какая вы добрая, г-жа Пушка! Спасибо вам! – воскликнула обрадованная Людочка, но неожиданно смутилась,

вспомнив, что она назвала ее не так, как бы следовало, и тревожно посмотрела на свою новую знакомую.

Но Пушка и не подумала рассердиться. Напротив, лицо ее так и сияло. Она поманила к себе малютку, поцеловала ее, и довольная, счастливая Людочка, весело подпрыгивая, выскочила из комнаты начальницы.

* * *

– Простила! Простила! Всех простила! И тебя, Сергунчик, и тебя, Принцынька, и тебя, Арапка! – весело объявила девочка все еще стоявшим у двери мальчикам, тревожно прислушивающимся к голосам, долетающим из комнаты Пушки. Арапка, придерживаемый за ошейник сильной рукой Домны Исаевны, тоже как будто прислушивался, держа ушки на макушке и тяжело дыша после злосчастной беготни по пансиону.

– Что? Что такое? – так и кинулись к Людочке Сережа с Принцем.

Тогда девочка сообщила своим друзьям, как она упростила начальницу и как та оказалась вовсе не такой злою, какую она ей представлялась, а, напротив, очень доброй, и только просила Людочку не называть ее больше Пушкой.

– Как? Разве ты ее называла Пушкой? – вскричали в один голос Сережа и Принц, совсем забыв, что они находятся у самой двери начальницы.

– Вовсе нет! – даже как будто обиделась Людочка. – Я вообще не называла ее просто Пушкой, а госпожой Пушкой... Мама всегда ведь прибавляла «госпожа», когда говорила с портнихой Анной Петровной Вязиной. Так и говорила: госпожа Вязина. Так отчего же и мне не сказать было вашей начальнице: госпожа Пушка! Это очень вежливо...

– Что ты наделала, Людочка, ты нас погубила! – испуганно сказал Сережа. – Ведь ее зовут Антониной Васильевной, а не Пушкой вовсе, и только шалуны-мальчишки прозвали ее так в насмешку! Она этого не знала раньше, а теперь узнала от тебя и ужасно рассердится!

– Вот пустяки-то! – прервал Принц тревожную речь Сережи. – Ничего не рассердится! А рассердится – не будем ее называть так больше – только и всего! Молодец, Людочка! – обратился он к девочке. – Ловко нас отстояла! Спасибо!

И прежде чем Сережа, Домна Исаевна и сама Людочка успели опомниться, Принц подхватил девочку на руки, посадил ее на спину и бегом пустился с нею в класс.

Сережа, попросил няню подождать их в прихожей и поддержать Арапку, чтобы он снова не выкинул какой-нибудь новой нежелательной штуки, и пустился за ними.

В младшем отделении была большая перемена, промежуток между завтраком и следующими уроками, и предоставленные самим себе мальчишки играли, читали или, дружно обнявшись, гуляли между скамейками.

При виде Принца и громко смеющейся на его спине Лю-

дочки они повскакали со своих мест.

– Дорогу королеве! – кричал Принц басом и, сбросив с кафедры лежащие на ней книги и тетради, посадил на нее Людочку.

Людочка преважно восседала на кафедре с видом настоящей маленькой королевы и разглядывала толпившихся у ее ног мальчиков.

А Принц, стоя подле девочки и придерживая ее, чтобы она не упала со своего королевского трона, рассказывал товарищам, как храбрая девочка избавила его и Сережу от наказания, попросив за них Пушку.

Мальчики шумно одобрили поступок Людочки и смеялись над тем, как она, по своей детской наивности, называла начальницу госпожой Пушкой.

– Вот ты трусил, а девочка, да еще такая малюсенькая, не побоялась! – упрекнул Грушин Валю Сторка.

– И совсем я не малюсенькая: мне уже пять лет! – обиженно возразила Грушину Людочка, – и потом я теперь уже не девочка, – продолжала она, окинув всех гордым взглядом, – а королева! Вы слышали, Принц назвал меня королевой!

– Да, да, королева, королева! – раздались со всех сторон голоса, – ты королева, а мы твои рыцари!

– Смотри, как нас много, – воскликнул Петух, – целых двенадцать человек, и вот у тебя будет столько рыцарей. Хочешь?

– Конечно, хочу! – серьезно ответила Людочка, – только

мне пора домой! А то меня дома ждет мама, а в прихожей ждут няня и Арапка!

– Отлично! – вскричал Жучок, – мы проводим тебя к ним. С почетом проводим, как подобает королеве.

– Да, да, проводим, проводим, – подхватили другие.

– Сережа! – между тем уже распорядился Принц, – ты, как брат королевы, будь ее гофмаршалом. Вот тебе кочерга. Это твой гофмаршальский жезл. Ты подними его и иди вперед. Ты, Морозко, и ты, Грушин, вы самые высокие в классе, соедините руки и посадите на них Людочку. Жучок, я, Петух и все прочие берите линейки, привяжите к ним носовые платки, это будут знамена. Становитесь с ними в пары и идите по двое за носилками. А ты, Мартик, и ты, Сторк, вы такие тихони, что Пушка на вас не рассердится, если вас и поймает, берите тетрадки, сверните их трубочками и трубите вовсю. Поняли меня все? Ну, марш вперед!

Когда Принц выдумывал какую-нибудь затею, никому в голову не приходило послушаться его. Он, к тому же, всегда говорил тоном настоящего командира, которому никто не посмел бы возражать. Вот почему все одиннадцать мальчиков мигом поступили под его команду. Двое рыцарей несли королеву, один представлял из себя гофмаршала, семь человек шли попарно, размахивая грязными носовыми платками (чистого, к сожалению, не нашлось ни у одного мальчика), а двое, самые лучшие ученики в классе – Сторк и Миллер – так старательно трубили в свои самодельные трубы, что гро-

зили оглушить весь пансион.

Это странное шествие миновало коридор, рекреационный зал и вступило в коридор, направляясь к прихожей. Несколько человек старших пансионеров, желая повеселить Людочку, важно восседающую на руках ее рыцарей, примкнули к малышам и по временам оглашали громким ура стены пансиона.

Проходя мимо комнаты начальницы, мальчики было притихли, но внезапно появившаяся на пороге Пушка, увидя забавное зрелище, не могла удержаться от улыбки, и маленькие трубачи затрубили еще оглушительнее, а знаменщики еще неистовее замахали грязными платками, привязанными к линейкам.

– А знаешь, Сергун, она вовсе не такая злока, как мы думали, – сказал старший знаменщик Принц гофмаршалу Сереже.

Гофмаршал только важно кивнул головою в знак согласия и еще выше поднял руку с жезлом – кочергою.

При виде стольких мальчиков и своей маленькой хозяйки на руках у двух высоких пансионеров, Арапка, несмотря на урезонивания Домны Исаевны, все еще державшей его за ошейник, завыл так, точно увидел не королеву с ее двенадцатью рыцарями, а целую дюжину кошек, которых считал своими злейшими врагами.

Няня зашикала на него изо всех сил, поторопилась снять торжествующую Людочку с рук ее новых приятелей и стала

обувать ее в теплые гамаши и галоши. Через десять минут она была одета.

– Прощайте, королева! – кричали все двенадцать мальчиков, высыпая следом за Людочкой на площадку лестницы.

– Прощайте, рыцари! – важно отвечала Людочка и с улыбкой кивала своим новым друзьям.

И няня тоже кивала шалунам. Ей очень понравилось веселые и жизнерадостные товарищи ее ненаглядного Сереженьки, так приветливо принявшие сегодня его маленькую сестренку.

Только Арапка был недоволен приемом. Он всю дорогу скалил зубы и издавал тихое рычанье.

Очевидно, Арапка считал себя непонятым и неоцененным в достаточной мере своими новыми знакомыми.

* * *

Мартик Миллер, всегда тихий, стал еще молчаливее и грустнее.

– Что с тобой, Мартик? – спрашивали его товарищи.

Но Мартик ничего не отвечал на это, точно не слышал вопроса, и старался тотчас же заговорить о чем-нибудь другом. И Сережа замечал, что после таких расспросов Мартик становился еще печальнее и задумчивее. Сережа очень любил Мартика, немногим меньше Принца. Принцем он восхищался, преклонялся пред его храбростью, заразной

веселостью и добротой. Мартика же он жалел за то, что тот был постоянно грустный, точно у него всегда что-нибудь болело. А теперь Сережа вдвое жалел Мартика, видя, что тот грустит с каждым днем все сильнее и сильнее.

Что с тобой, Мартик? – как-то раз спросил Сережа мальчика.

В ответ на его вопрос Мартик молча заплакал.

У Сережи сердечко защемило от жалости. Еще бы! Маленький, худенький, немногим выше Людочки, Мартик стал горько плакать, вытирая глаза кулачками.

– Мартик, голубчик! – не унимался Сережа и, обняв мальчика, он отвел его подальше от бегающих по залу пансионеров, – Расскажи ты мне, о чем ты плачешь, пожалуйста расскажи, Мартик, миленький.

Голос Сережи, его участие успокоили Мартика. Он вытер глаза и, обняв в свою очередь Сережу, сказал шепотом:

– Хорошо, я тебе откроюсь! Только ты никому не скажешь?

– Нет! – твердо отвечал Сережа. – Никому не скажу, будь покоен!

– Смотри же, – произнес строго Мартик, грозя тоненьким пальчиком, – ты обещал не говорить! А теперь слушай! Ты знаешь, Сережа, что меня воспитывает одна богатая генеральша, одевает меня, берет к себе в отпуск, платит за мое ученье. Она очень строгая и важная, но меня она любит. У нее нет своих детей, и она меня еще совсем маленьким взяла

от моей мамы. Моя мама – простая швея, но она очень меня любит, Сережа. Ей было жаль отдавать меня генеральше, но сама она не смогла бы дать мне такого хорошего воспитания, да и заниматься ей со мною было некогда: она должна день и ночь работать, чтобы прокормить себя хоть как-нибудь. Генеральша очень важная барыня и никогда не спросит маму о ее делах, она считает себя маминой благодетельницей и говорит, что уже много сделала для мамы и без того, взяв меня к себе. Да и мама моя из гордости никогда не попросит у нее ничего, лучше просидит голодная. Но все бы это еще ничего, если бы мама была здорова, а вот уже с неделю, как она больна и лежит в постели. Ты знаешь, Сережа, ведь она приходит ко мне в пансион каждую среду, в ту же среду она не пришла, а прислала маленькую дочь квартирной хозяйки – сказать мне, что она немного нездорова. Только это неправда, Сережа, она очень нездорова, а не немного. Говорит же она так, чтобы не тревожить меня. Дуня, хозяйская девочка, сказала, что мама лежит горячая, как огонь, и что ей не на что пригласить доктора и купить лекарство! У мамы нет ни копейки, а пока я обращусь к генеральше с просьбой помочь ей и пока она даст мне денег – может быть, уже будет поздно и моя мама умрет.

Мартик припал на плечо Сереже и снова горько-горько заплакал.

– Принц! Принц! – тревожно окликнул Сережа, лежа в тот вечер в своей постельке, находящейся в самом близком соседстве с кроваткой друга, – ты еще не спишь?

– Нет.

– Говори.

– Видишь ли, Принц, мама Мартика больна, очень больна, а у нее нет ни копейки денег, чтобы позвать доктора. А без доктора она умрет... наверное... Мартик очень плачет, бедный. Ему Дуня говорила... знаешь, девчонка, которая вызывала Мартика в прихожую на этой неделе? Надо ему помочь...

Сережа очень волновался, и поэтому все выходило у него нескладно, но Принц все сразу понял и думал теперь, как бы помочь Мартику.

– Экая досада! – вскрикнул он так громко, что спавший рядом Жучок разом вскочил и, бессмысленно уставившись сонными глазами в одну точку, залепетал быстро и невнятно спросонья:

– Два чижа и одна канарейка... одна канарейка... одна канарейка... желтенькая!

– Фу, глупый какой! Это ему канарейку и чижей отец на именины третьего дня подарил, – засмеялся в подушку Сережа, – а он так рад, что бредит ими во сне... Ты смотри, –

добавил он, строго взглянув на Принца, – про Мартика ни слова... Ни гу-гу! Я тебе сказал по секрету.

– Ладно, слышал! – ответил Принц и, полежав минуту, неожиданно дернул своего соседа Жучка за конец одеяла.

– Два чижа... и одна канарейка, – залепетал было снова мальчуган спросонья, но Принц выдернул из-под головы Жучка подушку.

Жучок сел на постели и протер глаза.

– Ну, слава Богу, проснулся! Слушай, – и Принц, наклонясь к самому уху Жучка, зашептал чуть слышно все, что услышал минуту тому назад от Сережи. – Только ты смотри – никому не проболтайся, это секрет! – добавил внушительно Принц, окончив свой рассказ, и повернувшись к Жучку спиной, стал снова советоваться с Сережей, как помочь Миллеру.

А Жучок уже будил спавшего по левую его сторону Грушина:

– Рыженький, проснись! Проснись сейчас, а то я тебя водой оболую, – говорил он и тащил мычавшего Рыжего за рукав рубашки.

При этой угрозе Грушин вскочил и стал браниться.

– Вот гадкие мальчишки, спать не дают по ночам! Погоди, вот я завтра Пушке на тебя пожалуюсь...

– Стой, Рыженький! – продолжал Жучок. – Стой, не засыпай! Слушай...

– Ну?

– У Мартика Миллера мама больна, денег нет, лечиться не на что. Придумай, что сделать! Мы думали, думали...

– Кто думал? – так же мрачно спросил Грушин, окончательно проснувшись.

– Я думал, Принц и Горин.

– Ну, и что же?

– Да ничего не придумали. Подумай теперь ты и разбуди Сторка. Пусть и он подумает. Только сам никому не говори и ему скажи, чтобы не говорил: это по секрету!

– Ладно, – согласился Рыжий.

– Сторк, а, Сторк, проснись, – затормошил он своего соседа. – Экая соня!

Таким образом секрет Мартика Миллера обошел всю спальню в какие-нибудь полчаса. Мальчики, разбуженные друг другом, за исключением самого Мартика, наплакавшегося вдоволь за день и теперь спавшего тяжелым сном в своей постельке, собрались на кровати Принца и сообща стали придумывать, как бы помочь Мартику.

Спорили долго и горячо. Наконец, Принц изо всей силы шлепнул себя ладонью по лбу и вскричал:

– Ба! Придумал!

– Что? Что? – потянулись к нему со всех сторон всклокоченные, заспанные головы.

– Придумал! – повторил он. – Слышите, братцы, мы разыгрываем лотерею!

– Вот это здорово! – похвалил Морозко, – люблю друга

за ум!

– Лотерею! Лотерею! – зашептали мальчики. – Прекрасная мысль – лотерея!

– Мы разыгрываем все, что у нас есть самого лучшего! – продолжал ораторствовать Принц, – а вырученные деньги отдадим Миллеру на лечение его матери. Согласны?

– Все согласны, все, все! – подхватили мальчики, и каждый из них потянулся обнять Принца за его выдумку.

Через полчаса все двенадцать мальчиков спали самым крепким сном.

* * *

На следующий день, между завтраком и уроками, на кафедре, стоявшей посреди младшего отделения, высилась целая груда самых разнообразных предметов.

Добрые маленькие пансионеры горячо откликнулись на горе Мартика, и каждый пожертвовал для лотереи все самое ценное.

– Что ты делаешь, Принцынька? – испуганно произнес Сережа, видя, как Принц написал на одном из билетиков, предназначенных для разыгрывания лотереи, «золотые часы».

Сережа знал, что Принц очень гордился своими «настоящими» часами, которые, не снимая, носил в боковом кармане куртки, совсем как взрослый.

– Так что ж такого! – усмехнулся в ответ Вакулин, – не

беда! Ну, были часы, а теперь не будет. Ведь другие больше, чем я, сделали для Миллера. Смотри, Грушин пожертвовал для лотереи свою коллекцию бабочек, которую собирал целое лето, а Жучок канарейку, которую ему третьего дня подарили... Ведь ты пожертвовал канарейку, Жучок, правда? – обратился он к проходившему мимо Изюмину.

– Эка невидаль – канарейка! – воскликнул с деланной веселостью Жучок, но Сережа увидел по глазам мальчика, как ему жалко расстаться со своею птичкой. – У меня останутся два чижика. А на будущий год я попрошу папу и он опять мне подарит к именинам канарейку – такую же! Еще лучше!

Петух ничего не имел, что бы пожертвовать для лотереи, но, нимало не смущаясь, взял ножницы, отрезал со своего костюмчика две большие перламутровые пуговицы и положил их с прочими вещами на кафедру.

Мартик, видя все эти приготовления, взволнованный от счастья, поминутно подходил то к одному, то к другому товарищу и молча обнимал.

Лотерея была назначена после обеда, ровно в шесть часов. По просьбе Принца, краснощекая Паша принесла из кухни большую кастрюлю и поставила ее на отдельный столик подле кафедры. В кастрюлю Принц с помощью Грушина и Сережи положил билетики с номерами, свернутые в трубочку, которые должен был покупать каждый желающий принять участие в лотерее. Такие же точно билетики, но уже не свернутые, с тщательно надписанными номерами, были пришпи-

лены в каждой из вещей, лежащих на кафедре. Один билетик лежал особо, без вещи, он обозначал выигрыш – канарейку, которая была у Жучка дома и которую он громогласно обещал принести тому, кто ее выиграл, в следующий же понедельник.

Старшие, услышав, что у малышей устраивается лотерея, гурьбой прибежали в младшее отделение и заявили свое желание быть участниками.

– Если только билеты не дороги! – благоразумно заявил Мартик.

– О, нет! – поспешил его успокоить Сережа, – всего только по 10 копеек штука.

Пришла Пушка и, поощрительно улыбаясь, купила у мальчиков целых 10 билетов. Пришел повар Сидор из кухни и горничная Паша и даже степенный, не выходивший никогда из прихожей, сторож Вавилыч.

Воспитатели старшего и младшего отделения тоже купили билетов, к тому же каждый из пансионеров, имевший карманные деньги, не поспешил на доброе дело.

Когда все билеты были раскуплены и Принц, стоявший у кастрюли и клавший деньги в большую жестянку от печенья, серьезным тоном попросил развернуть билетики, в классе поднялась суматоха.

Мальчики выиграли по большей части пустяки: кто карандаш, кто тетрадки, пеналы или пуговицы от костюмчика Петуха. Но зато Пушка приобрела целую массу сокровищ, меж-

ду которыми оказались и часы Принца, и канарейка Жучка, и хорошенькая бронзовая чернильница, пожертвованная для лотереи Сережей.

– Вот кому счастье, – пробурчал Грушин, передававший свою коллекцию бабочек Сторку, выигравшему ее.

– Хорошо, если у нее есть знакомый мальчик, – рассудительно произнес подошедший Морозко, – и она может подарить ему часы Принца.

– Эх, Жучок, прощайся со своей канареечкой, – поддразнивал мальчика веселый Петух, – увидишь, Пушка велит из нее сделать жаркое, потому что она любит поспать, а твоя канарейка уж, наверное, не даст ей по утрам покоя своим чириканьем.

– Вот еще! Канареек не едят! – ответил Жучок, стараясь отвернуться от товарища и не показать ему своих глаз, наполненных слезами.

Жучок отлично знал, что Пушка не зажарит его птичку, но все-таки ему было бесконечно жаль передавать в чужие руки свою хорошенькую желтенькую певунью.

– Дети! – раздался в эту минуту голос Пушки. – Ваш сегодняшний поступок, – помощь, оказанная вашему маленькому товарищу, – доказывает, что у вас добрые, славные сердца. Я очень рада, что мои маленькие шалуны оказываются такими прекрасными мальчиками. Чтобы как-нибудь наградить вас за ваш великодушный поступок, мы, воспитатели ваши и я, решили возвратить вам выигранные вещи. Ты, Ва-

кулин, бери свои часы, ты, Горин, свою чернильницу, а ты, Изюмин, можешь оставить свою канарейку дома и не приносить ее из отпуска...

И, положив выигранные вещи снова на кафедру, Антонина Васильевна вышла из класса.

На минуту в классе воцарилась тишина. Потом мальчики, притихшие от поразившей их радостной неожиданности, вдруг громко заговорили все разом, перекрикивая один другого:

– Вот она какая добрая! – слышалось в одном углу.

– А мы-то думали, что она злючка, – неслось из другого.

– Тише, тише! – унимал расходившихся пансионеров Василий Иванович.

– Братцы, – стараясь перекричать весь класс, воскликнул Принц, – даю торжественное слово, что с сегодняшнего дня буду стараться как можно меньше шалить и проказить!

– И я!

– И я!

– Вот и отлично, – подхватил Жучок, – идемте все сейчас же к Антонине Васильевне и скажем ей об этом.

– Да, да! Идем, сейчас же!

– Нет, лучше Василия Ивановича попросим, пусть он и передаст от нашего имени начальнице! – предложил Принц.

– Да, да! Василия Ивановича! – разом согласились мальчишки и, окружив воспитателя, стали его просить исполнить их поручение.

Василий Иванович, очень добрый от природы человек, не заставил себя долго упрашивать и пошел по поручению своих питомцев в комнату начальницы.

Едва только он скрылся за дверью, Принц вскочил на стул, оттуда на стол, со стола на кафедру и, взмахнув линейкой, заявил притихшим товарищам:

– Шалить мы больше не будем – это раз, и называть ее Пушкой тоже не будем – это два. Нехорошо обижать даже заглазно, если она оказалась такою хорошей. Слышите все? Пушки нет! Есть тетя Тоня! Это три!

И, соскочив с кафедры на пол под громкое ура всего класса, Принц окинул взором своих друзей и подтвердил:

– Тетя Тоня! Не забудьте же!

– Поняли, поняли! Все поняли! Молодец, Принц! Ура, Принц! – кричали мальчики.

Потом стали считать выручку от лотереи, высыпанную на кафедру из жестяной коробки.

В тот же вечер Принц вручил Мартику Миллеру целых десять рублей на лечение его матери.

* * *

Хотя мальчики дали торжественное обещание не шалить и вести себя вполне благопристойно, как подобает умным маленьким пансионерам, но сдержать его оказалось куда труднее, нежели они предполагали.

По крайней мере Принц совсем позабыл о нем, когда однажды в перемену между двумя уроками объяснил во всеуслышанье классу, что сегодня у них в спальне ночью будет дано большое представление цирка Чинизелли.

Надо же было случиться, что в этот день воспитатель уехал из города к своей заболевшей сестре, и мальчики знали, что он не вернется раньше следующего утра. Поэтому новая затея Принца была принята взрывом восторга.

Когда после ужина младшее отделение пришло в спальню, маленькие пансионеры скорее, чем когда-либо, разделись, умылись на ночь и юркнули в свои постели.

Дежуривший в этот день вместо отлучившегося Василия Ивановича Валерик не мог нахвалиться на малышей.

– Вот если бы вы всегда так вели себя! – произнес он, уходя из спальни и гася по дороге большую лампу.

– Спокойной ночи, господин Валерик, и счастливого пути! – пискнул Жучок ему вслед.

– Тсс! – прошипел испуганно Принц, – он догадается!

Но Валерик ни о чем не догадался и спокойно направился в спальню старшего отделения. Все двенадцать мальчиков собрались у кроватей Принца и Сережи.

– Прежде всего надо сдвинуть постели, чтобы образовалась площадка – это и будет арена цирка, – командовал Принц. – Кругом мы поставим зажженные огарки... Ты, Грушин, будешь лошадью, а я наездницей, Сережа пусть ходит по канату – он акробат. А Жучок и Петух будут клоуны.

Остальные все садитесь на пол! Просят только почтенную публику не очень громко аплодировать, а то придет начальница и всем попадет на орехи.

Принц, с помощью Грушина, зажигал огарки свечей, вытасканные им из его ночного столика, невесть откуда приобретенные им. Зажженные огарки он расставил полукругом на полу, а затем наскоро надел коротенькую, как у наездниц, юбку из газетной бумаги и в то же время помогал Жучку и Петуху пудрить лица зубным порошком и мазать щеки золой из печи, как подобает настоящим клоунам. Остальные мальчики важно расселись на полу в два ряда, изображая из себя публику.

– Динь-динь-динь! – позвонил в воображаемый колокольчик Морозов, и в ту же минуту Жучок и Петух выскочили, перепрыгнув через горящие огарки свечей, на арену.

Они гримасничали, хохотали, награждали друг друга шлепками, как настоящие клоуны, которых не раз видели в цирке. Наконец, разошедшийся не в меру Жучок захотел поддать Петуха ногою сзади, чтобы он подпрыгнул, но вместо того, чтобы попасть в спину Петуху, попал ему в нос.

Из носа тотчас потекла алая струйка крови. Петух заревел во все горло, совсем уже не по-клоунски, а по-настоящему, да вдобавок еще так громко, точно ему совсем оторвали нос. Заревел и Жучок от страха, что сломал нос Петуху. Обоих пострадавших увели с арены под руки Сторк и Морозов, изображавшие капельдинеров цирка. Мальчики, стоя у

медного рукомошника, еще долго кричали и бранились. Петух держался за свой распухший нос, а Жучок – старался доказать Петуху, что это только игра и что сердиться друг на друга даже и настоящие клоуны не смеют.

Потом Сторк и Морозов протянули между двумя кроватями толстую веревку и, придерживая ее за оба конца обеими руками, предложили акробату Сереже пройти по «канату».

Однако Сережа, как ни боялся прослыть трусом в глазах товарищей, но идти по веревке не решался... К тому же, ржавший от нетерпения конь-Грушин с наездницей Принцем на спине так и порывался, став на четвереньки, прыгнуть на арену. И публика требовала скорейшего исполнения номера верховой езды гораздо громче, нежели акробатических штук неумелого акробата, каким оказался Сережа. Поэтому он благоразумно уступил свое место Грушину и Принцу.

Грушин неуклюжими прыжками и с продолжительным ржанием выскочил на арену.

– Bravo, Грушин! Принц, bravo! – кричали мальчишки и неистово хлопали в ладоши.

Принц, на голове которого высился в виде шляпы большой мешок из сахарной бумаги, любезно раскланивался на все четыре стороны со спины Грушина, где он сидел так же спокойно, как в кресле. Потом, желая, очевидно, подражать настоящей наезднице, он осторожно встал на ноги на спине Рыжего и, вытянувшись во весь рост, крикнул бесстрашно:

– В галоп! В галоп! Живо!

И Грушин помчался галопом, рискуя свалить Принца на пол.

Публика аплодировала неистово, выражая свое полное одобрение прыткому коню и храброй наезднице. И вдруг среди общего шума, раздался испуганный голосок Мартика Миллера:

– Принц! Принц! Ты горшишь, Принц!

* * *

Действительно, воздушная бумажная юбочка Принца горела с одного бока. В пылу игры мальчик не заметил, как близко подъехал на спине своего воображаемого коня к одному из огарков, стоявших на полу, и задел его листом газетной бумаги.

Когда Мартик, увидевший пламя на юбке Принца, закричал, тут только остальные мальчики и сам Принц заметили несчастье.

Они бросились со всех ног к Принцу, стараясь потушить охватившее его пламя, как обыкновенно тушат горящую свечу. Но этим они только раздували огонь.

Если бы мальчики были немного постарше, они бы поняли, что движение благоприятствует огню, и постарались бы помочь Принцу более подходящим средством. Но они были еще очень малы и к тому же испуганы.

Огонь уничтожил уже бумажную юбочку и принялся теперь за длинную ночную рубашку мальчика, обжигая Принца. Один из огненных языков достиг кудрявой головки, и вмиг запылали чудесные белокурые локоны Принца. Он рыдал от боли и страха; мальчики метались, как безумные, не зная за что схватиться. Сережа и Мартик Миллер потеряли сознание и лежали без чувств посредине спальни. Но никто на них не обращал внимания, все были поглощены одною только мыслью, как бы потушить огонь и спасти Принца.

Крик и шум в спальне маленьких был ужасный.

В ту самую минуту, когда несчастный Принц был уже охвачен пламенем, в спальню неожиданно вбежала Антонина Васильевна, разбуженная криками.

Она схватила одеяла и подушки с ближайших постелей и, толкнув горящего Принца на пол, забросала его ими... Огонь сразу потух. Из-под груды вещей послышались стоны.

– Слава Богу, Принц жив! – произнесла Пушка и, освободив мальчика из-под кучи наваленных на него одеял и подушек, подняла его и с помощью Морозова и Грушина, считавшихся самыми сильными в классе, понесла в лазарет.

Бесчувственных Сережу и Мартика тоже уложили по постелям.

Все говорили только шепотом, насмерть перепуганные происшествием, и никто не мог спать в ту ночь. Так весело начиналась сегодняшняя затея и так плохо кончилась она для их веселого, любимого друга.

Принц получил сильные ожоги. Длинные локоны мальчика сгорели: их пришлось сбрить наголо.

Бедный Принц очень страдал.

Доктор ходил ежедневно навещать его. Мальчик был болен очень долго и очень серьезно. Думали, что Принц умрет, и многие из его товарищей, в том числе Сережа, горько плакали втихомолку. Другие сидели нахмуренные, игры и шалости никому не шли теперь на ум.

Только перед самым праздником Рождества Христова, в то время, когда мальчиков отпускали на рождественские каникулы, Принц вернулся в класс.

Похудевший, побледневший, выбритый, со следами ожогов на лице и руках, он очень мало походил теперь на прежнего хорошенького, кудрявого мальчика, каким был до больницы.

Но все его товарищи, опасавшиеся за его жизнь, обрадовались выздоровлению Принца.

– Принцынька, миленький! Выздоровел! – говорил Мартик Миллер, умильно глядя на общего любимца.

Сережина мама просила начальницу отпустить Принца на рождественские каникулы к ним. Сначала Антонина Васильевна долго не соглашалась, говоря, что лишний ребенок в доме прибавит и лишние заботы, да еще особенно такой шаловливый мальчик, каким был Принц, но когда г-жа Горина сказала ей, что Принц достаточно наказан за свои шалости и что у него пропала охота на новые проказы, то, подумав,

начальница согласилась отпустить Принца в отпуск к Гориным.

Накануне дня разъезда пансионеров на праздники по домам Антонина Васильевна позвала Принца в свою комнату.

– Видишь ли, Вакулин, шалости никогда не доводят до добра, – произнесла Антонина Васильевна, когда Принц предстал перед нею. Надеюсь же, ты постарайся удерживаться от твоих проказ и не оставишь в чужом доме после себя дурного впечатления? Я ведь очень люблю тебя, мой мальчик, и страшно боюсь, как бы опять не случилось с тобой чего дурного! – и начальница притянула Принца к себе.

У Принца не было матери... Она умерла, когда мальчику было два года, и он не знал материнской ласки.

Слова Антонины Васильевны звучали такой добротой, такой искренней любовью, какую только можно встретить в сердце родной матери.

А у Принца было доброе сердечко, несмотря на то, что он был самый отъявленный шалун из всего пансиона... От ласковых речей начальницы сердечко Принца как-то разом размякло, и слезы хлынули из глаз.

– Какая вы чудесная! Какая добрая! – говорил он, заикаясь. – А я-то... как часто сердил и огорчал вас... Теперь я вижу, что я самый негодный мальчик.

– Вовсе нет, – успокаивала его начальница. – Котя Вакулин прекрасный мальчик! Не смей его бранить, я не позволяю! А лучше скажи ему, чтобы он дал слово в том, что ни-

когда не будет так проказничать. Скажешь?

– Скажу! – убежденно произнес Принц и добавил: – Я уже сказал ему...

– И что же он ответил? – спросила начальница.

– Он ответил... что дает слово вас слушаться! И он его сдержит!

И, совсем позабыв, что перед ним его прежняя строгая начальница, Принц крепко обнял за шею Антонину Васильевну, поцеловал ее в щеку и обещал:

– Да, я сдержу слово, дорогая тетя Тоня!..